

Орбита Улугбека

Каир Капи

18+

Каир Кари

Орбита Улугбека

«Автор»

2026

Кари К.

Орбита Улугбека / К. Кари — «Автор», 2026

Самарканд эпохи Великого Ренессанса. Город, где разум бросает вызов небесам, а на холме Кухак возводится величайшая обсерватория мира. Но пока ученые вычисляют бег планет, на пыльных улицах Мавераннахра воцаряется страх: череда загадочных и жестоких убийств потрясает столицу империи. Жертвами становятся люди, близкие к просвещенному правителю Мирзо Улугбеку, а народная молва приписывает эти злодеяния темным силам. По воле государя расследование поручается не военным, а человеку науки — молодому астроному Али Кушчи. «Орбита Улугбека» — это не просто детектив, а масштабное полотно, где научные открытия переплетаются с придворными интригами, а поиски истины сталкиваются с фанатизмом и древними тайнами, способными изменить судьбу династии.

© Кари К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

пролог	5
смерть юсуфа	7
Женитьба Али	21
Ага Бегим. часть 1	26
Воспоминания Али Кушчи о детстве	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Орбита Улугбека

пролог

Я, Мухаммад ибн Муса ибн Махмуд Кази заде Руми, но более известный среди учёных Истанбула как Мирим Челеби (1), хочу рассказать о событиях, о которых мне поведал мой дед, великий учёный Али Кушчи (2), ученик и лучший друг самого Мирзо Улугбека (3).

Эти события произошли ещё в молодости моего деда, в Самарканде, в период расцвета наук, и строительства величайшей обсерватории, которой еще не видел мир.

Эту удивительную историю я услышал от деда недавно, когда мы переехали со всем семейством по приглашению султана Мехмеда Второго в величественный Константинополь, или Истанбул, как называют его местные жители.

В тот день я помогал деду разбирать старые сундуки с книгами, которые он не открывал еще с Самарканда.

Мавляна - так называют у нас ученых или мудрых людей - Али Кушчи, после гибели своего друга и покровителя Мирзо Улугбека еще несколько лет жил и работал в Самарканде, но череда переворотов и войн за трон вынудили все наше семейство продать имущество и перебраться в Керман, где дед, а потом и я преподавали науки в местном медресе.

Я помню этот сундук еще с Кермана. Мой дед никогда его не открывал, как будто там находилось что-то, что он не хотел видеть.

С тех пор так и повелось – при переезде в другой дом мы с братьями таскали этот тяжелый сундук, закрытый на замок, и строили всяческие предположения, начиная от того, что там просто старые книги и вещи, к которым так привязываются старики, вплоть до того, что там лежат сокровища Мирзо Улугбека, которые тот доверил перед своей гибелью лучшему другу.

После долгого и изматывающего путешествия мы прибыли в Константинополь – немыслимый, потрясающий и древний. Я ходил по каменным мостовым, помнящим все истории великого города – прекрасные и кровавые. Часами я сидел на берегу Босфора, через который проплывали мощные парусные суда, везущие товары с запада на восток и обратно. С удивлением наблюдал за людьми на базарах Истанбула, где яростно на нескольких языках чуть не до драки торговались покупатели и продавцы.

Но... Воспоминания о запахе самаркандских дынь сводят меня с ума, когда я хожу вдоль лавок торговцев. Здесь тоже неплохие дыни, но пахнут они не так, как на моей родине.

Я надеюсь, что сейчас эти записки читает мой земляк с Мавераннахра или Туркестана. В тот день, когда он пойдет за покупками на ближайший базар, и купит пахучую, сочную, желтую как глина дыню, пусть в этот момент вспомнит о нас, самаркандцах - скитальцах в чужих землях.

Была ли это конечная точка путешествия в моей жизни – об этом знает один Всевышний.

И только моего деда не трогало все это величие Истанбула. В его потухающих глазах я видел тоску по Самарканду – городу времен Мирзо Улугбека, с которым так счастливо свела его судьба, и который открыл ему путь в науки – самая сладкая страсть, что может быть у мыслящего человека. Его мысли были там, где лежала наша бабушка Шахноза, которая никак не хотела покидать Самарканд, и только после ее смерти все наше семейство оставило нашу родину.

Но вернемся к этому старому сундуку.

Султан подарил моему деду большой дом рядом с Айя Софией - бывшей главной церковью Константинополя, теперь ставшей мечетью. И хотя мой старик уже с трудом поднимался по лестнице, он предпочел иметь свой кабинет на втором этаже.

Я вместе со старым слугой Сафаром, который следовал за нами еще с Самарканда, не пожелав оставить своего любимого хозяина, тащил эту древнюю рухлядь по узкой лестнице на второй этаж.

Мы уже занесли его, как вдруг Сафар, который с трудом держал сундук сзади, споткнулся об высокий порог, и уронил свой край неудобной ноши.

Старый сундук с грохотом упал на деревянный пол и развалился на части. Он уже настолько состарился, что его доски, как стекло, разбились на мелкие трухлявые осколки дерева.

Я помог встать Сафару и приподнял разбитый край сундука. Оттуда посыпались кипы бумаг, старые книги, какие-то вещи, завернутые в тряпицы.

Сафар виновато посмотрел на хозяина и, с трудом присев, принялся собирать с пола содержимое сундука.

- Сафар, подожди, я сам - давно надо было перебрать его. Ты иди, а ты, Мухаммад, останься, поможешь.

Дед подождал, пока Сафар, с трудом ковыляя, спустится по лестнице, затем поднял с пола неприметный холщовый мешок, вытащил из него старую пожелтевшую тетрадь и бронзовую тонкую табличку, изрядно позеленевшую от старости.

Старик Али, нахмурившись, как будто вспомнил то, что не хотел вспоминать, сел на тахту, и принялся листать пожелтевшие листы самаркандской бумаги. Он настолько погрузился в свое чтение, что мне пришлось кашлянуть, чтобы напомнить о себе.

- Прости, Мухаммад, я и забыл про тебя. Это мои записи, которых я давно не открывал - не хотел беречь душу воспоминаниями. Я записывал свои мысли и действия, которые были связаны с некоторыми событиями, произошедшими сорок лет назад в Самарканде. Я никому об этом не рассказывал, так как обещал одному человеку сохранить все в тайне. Но, я думаю, уже много воды утекло с тех пор, и никого из очевидцев нет в живых. Как и Мирзо Улугбека.

Мой старик вздохнул, его лицо омрачилось. Даже спустя столько лет после гибели Мирзо он не мог смириться с потерей своего великого друга.

- Ты первый человек, кто услышит правду о тех событиях. Садись, это будет долгий рассказ.

Все, что я изложил ниже - это мой вольный пересказ со слов моего деда, его записей, а также моих размышлений о времени правления Мирзо Улугбека в Самарканде. Это были десятилетия рассвета науки, музыки, поэзии. Эпоха, которая канула в гражданских войнах Мавераннахра, и которой, наверное, уже никогда не будет. Запрет на свободную мысль и свободное слово приведет к постепенному угасанию души нашего народа, который будет прозябать столетиями, пока какой-нибудь очередной завоеватель не сметет прежних ожиревших и ослабевших правителей.

смерть юсуфа

833 год Хиджры (1430 год)

Трудно сказать, когда лучше воровать дыни с бахчи. Днем, в жару, когда хозяева стараются вздремнуть, пережидая жаркое время суток, или прохладной ночью?

Днем хозяин может выйти и посмотреть, что творится на его бахче. Ночью мелкие паршивые собачонки могут проснуться, и вцепиться бедному дервишу в оборванные штаны.

Так думал молодой дервиш, решивший полакомится спелой дынькой.

- Лучше ночью! – решил он и, дождавшись ночи, полез на бахчу, которую присмотрел еще днем, когда ходил по округе, выпрашивая подавание.

У воришки с собой был старый полосатый мешок, сшитый из разваленных штанов, и ножик, чтобы срезать стебли.

Охота была удачной. Две дыньки уже болтались в мешке, издавая аппетитный запах.

Дервиш в темноте пошарил рукой, надеясь найти третью дыньку.

В этот момент он почувствовал, что кто-то вцепился мертвой хваткой в его ногу. Воришка оглянулся в ужасе – это была собака, которая незаметно подкралась и схватила своими мелкими острыми зубками за штанину.

- Ах ты мерзкая тварь! – дервиш отчаянно дернул ногой, попав собаке пяткой в живот. Мелкая псина с воем упала на спину, отпустив ногу странника.

Незадачливый поклонник дынь немедленно бросился бежать к ближайшему арыку. «На воде они меня не учуют» - думал воришка, прижав к себе мешок с добычей.

Торопливо спускаясь к арыку, дервиш зацепился за какое-то препятствие и упал в воду, выпустив из рук мешок. Дыньки выкатились из мешка, и плюхнулись в грязь.

«Нет уж, сегодня я поем!» - С этой упрямой мыслью он начал лихорадочно щупать и искать в грязи свою добычу.

Одна дынька почему-то была липкая и скользкая. Дервиш поднял руку - в свете луны она измазалась в чем-то темном. Воришка подполз к дыньке поближе и увидел то, отчего его сердце на несколько секунд перестало биться. На него смотрел, выпучив глаза и открыв рот, мертвец.

Дервиш не выдержал и заорал писклявым голосом.

Из дневника Али Кушчи

Весь месяц шавваль (март) мы с Мирзо Улугбеком, нашими учителями аль Каши (4) и Кази Заде Руми (5), и несколькими другими учеными каждый день проводили в обсерватории, стараясь поймать в диоптр солнце, чтобы точно измерить день весеннего равноденствия. Это была самая важная ежегодная задача - определить точность наступления этой даты.

Помощник осторожно открыл диоптр на крыше - и солнечный луч упал в темноту, туда, где находилась часть дуги секстанта. Я вместе с помощником аккуратно подвел тележку на медных рельсах с бронзовым зеркалом, и словил точно по центру осколок солнца. Улугбек посветил лампой на риски, вырезанные на мраморной дуге секстанта, и аккуратно записал данные в свои записи.

Мы сидели еще весь день и всю ночь, с небольшими перерывами на сон и еду, обрабатывая данные наблюдений за весь год.

-

Так, какой результат мы имеем? - Улугбек потер уставшие глаза, и посмотрел на нас с аль Каши, - Сколько в итоге получается продолжительность тропического года?

Старик, еле стоял на ногах, но упрямо не желал отдохнуть, пока не рассчитает результаты. Он взял лист, весь испещренный записями, откашлялся, и торжественно произнес:

- Тропический год, прошедший за весь оборот от прошлого весеннего равноденствия до нынешнего, составил 365 суток, 5 часов, 49 минут и 15 секунд!(6)

Несмотря на усталость, все захлопали в ладоши, как будто выиграли на скачках мешок золотых.

Мирзо, довольный результатом, отправил всех по домам, поблагодарив за помощь в расчетах. Счастливые от проведенных ночью исследований, мы разъехались уже с рассветом.

Я сердечно попрощался со всеми, и направился к дому.

Навстречу брели грустные сонные ишачки, везущие зелень и фрукты на утренний базар. Торговцы и ремесленники Самарканда начинали свой обычный день, не представляя, что сегодня в их городе произошло такое важное для всех людей Земли событие.

В душе я радовался как никогда - мы вычислили продолжительность года до секунды - это самое точное измерение, которое когда-либо было известно людям! Целый год, с начала открытия обсерватории, мы шли к этой цели. Может быть, сейчас, где-то в Индии или Испании другие ученые мудрецы пришли к этому же результату - но новые открытия и книги из других стран доходят к нам очень долго - годы, а то и десятилетия. Но этого мы сейчас не знаем, так что, исходя из нашего незнания, будем надеяться, что мы первые!

После полудня в медресе Самарканда ученые ждали прихода Мирзо Улугбека, чтобы обсудить полученные результаты.

Я совсем не выспался, поэтому немного опоздал. Чуть позже приехал и Мирзо Улугбек. Он вошел быстрым шагом, поднялся на небольшую трибуну. Казалось, он совсем не устал, в отличии от меня. Ему было тогда тридцать шесть лет, но он выглядел моложе, был строен и подтянут. Его глаза горели озорным блеском, когда он смотрел на любимую ученую братию.

- В прошлую нашу встречу мы обсуждали решение, которое сделал наш мудрейший Аль - Каши - нахождение синуса одного градуса. Но у меня сейчас к вам вопрос - есть ли еще варианты нахождения этой задачи?

Он выжидающе посмотрел на собравшихся.

Все переглядывались, не нашел ли кто ни будь еще новое решение. В зале стоял гул - ученые шепотом делились своими соображениями.

- Вы знаете, насколько это важно для нас - определить точность синуса одного градуса. От этого зависит, насколько достоверно мы определим координаты звезд и планет, и подтвердим их в нашем зидже (7). Мне нравится решение мавляны аль - Каши, оно выведено расчетным путем, что намного точнее геометрического решения. Но я хотел бы уточнить наши расчеты, поэтому еще одно решение было бы подтверждением и проверкой решения уважаемого аль Каши. (8)

Я встал и обратился к Улугбеку.

- Повелитель, у меня есть некоторые соображения по этому поводу, но я до конца не понимаю, как это можно использовать при расчете синуса.

- Выкладывай, Али! - Улугбек сел на кресло, предвкушая решение математической задачи.

В этот момент скрипнула дверь, и в зал заглянул встревоженный начальник охраны - Зеидбек.

Улугбек по его лицу понял, что случилось что-то важное. Зеидбек наклонился к Мирзо и что-то прошептал ему на ухо. Лицо Улугбека стало серьезным. Он встал из-за стола, кив-

нул нам, чтобы продолжали обсуждение, и зашел вместе с начальником охраны в отдельную комнату.

Через некоторое время Зеидбек вышел, и, поискав меня глазами среди ученых, обратился ко мне.

- Повелитель просит вас зайти к нему!

После чего он, куда-то торопясь и придерживая одной рукой саблю, поспешил выйти из здания.

Мирзо был встревожен, он нервно ходил из угла в угол.

- Али, ты же больше всех работал с математиком Юсуфом из Герата, который приехал к нам по приглашению год назад?

Юсуф был очень талантливый математик, одинокий мужчина сорока лет, увлеченный науками, как и многие наши ученые.

- Это так, Мирзо, он очень мне помог в расчетах движений планет.

Улугбек остановился, и произнес то, чего я точно не ожидал услышать.

- Так вот, его нашли сегодня утром зверски убитым в пригороде Самарканда.

Несколько секунд я молчал, пытаюсь осознать сказанное.

- Мирзо, кто мог сотворить такое?

- И еще одна нехорошая и странная новость, - Улугбек на мгновение задумался, а потом продолжил, - у него отрезали палец.

В расстерянности я сел на стул, и в ужасе посмотрел на Улугбека.

- Дервиши уже на базарах шепчут на уши народу, что это шайтан мучает и убивает своих слуг. Это они о наших ученых, которые, по их словам, стали слугами шайтана! – со злостью в голосе продолжил Улугбек, стукнув ладонью по столу.

Мирзо взял со стола кувшин, набрал в ладонь немного воды, и ополоснул лицо. От этих страшных новостей он выглядел уставшим, все-таки несколько бессонных ночей на ногах сделали свое дело.

- Помнишь того несчастного книготорговца? Очень похожая смерть.

Полгода назад недалеко от караванной дороги нашли тело купца, который привозил нам книги. Он был сыном ювелира из Индии, которого насильно пригнали после войны Амира Тимура.

Никто не знал его настоящего имени, он принял Ислам и стал мюридом (9) одного из тарикатов (10), взяв себе имя Назир. Но когда он начал посещать лекции в медресе по астрономии, которые были открытыми для всех желающих, то очень увлекся науками, после чего резко поменял свои взгляды. Назир ушел из тариката, и занялся поиском и торговлей редких книг из Индии, куда он надолго уходил с караванами. Его тарикат очень враждебно отреагировал на его уход, обвинив его в ереси. Когда Назира убили, пиры и каландары тариката начали утверждать, что это шайтаны наказали его за пристрастия к наукам. А теперь, с гибелью бедного Юсуфа, эти слухи еще больше будут подогреваться среди простого народа.

Что конечно, очень плохо скажется на отношении народа Мавераннахра к нашему ученому братству.

Некоторое время Мирзо сидел, задумавшись, потом встал, и подошел ко мне.

- Друг мой! Я распорядился, чтобы тело нашего товарища принесли в караульное помещение. Я хочу, чтобы ты осмотрел его вместе с лекарем Нафисом. А потом, после осмотра – чтобы именно ты занялся поиском убийцы.

- Я? Но, Повелитель, я ничего не смыслю в этих делах! И обычно этим занимаются военные есаулы, - я встал и с удивлением посмотрел на Повелителя.

- Али, народ должен знать, что это не шайтан убил Юсуфа, а живой человек из плоти и кости. А самое главное - ради памяти нашего коллеги, и моего честного имени как правителя Самарканда, я хочу именно тебе поручить это дело. Ты единственный из всех, кого я знаю,

кто сможет найти убийцу. Мои нукеры просто найдут несчастного бродягу, и объявят его преступником под пытками, хотя я запретил пытать. Сам знаешь, как это бывает. Поэтому только тебе я могу доверять.

А потом – вспомни, при каких обстоятельствах мы познакомились? У тебя для поиска убийцы еще с детства таланты! – Улугбек дружески хлопнул меня по плечу.

Мне не хотелось вспоминать произошедшие с мной в детстве события, они до сих пор приносили мне боль утраты. Но я вынужден был признать, что больше сделать этого, кроме меня, некому.

Улугбек сел за стол, взял бумагу, макнул перо в чернильницу.

- Я напишу письмо – оно даст тебе полномочия использовать в своих поисках стражу города, средства казны, а также помощь хакима и старшин цехов города.

Улугбек написал письмо, приложил свою печать, и вручил его мне.

- Займись этим сейчас же! - С этими словами Мирзо стремительно вышел из комнаты в к ученым.

Я был в смятении. С одной стороны, я был шокирован известием о жуткой смерти Юсуфа, с которым уже успел сдружиться на научной почве.

С другой стороны, такое поручение было для меня неожиданным. Обычно расследованием убийств занимался начальник караула города. Он находил и приводил преступника на суд кази – исламского судьи.

Но делать нечего, просьба Мирзо Улугбека для меня – как приказ.

Я подъехал к помещению караула и спешил, привязав лошадь рядом.

- Как поживаете, друг мой? Как здоровье вашей супруги и малыша? – Нафис, шустрый старичок – лекарь, подбежал ко мне и сжал в объятиях.

Я был рад был его увидеть. Полгода назад Нафис спас мою жену и ребенка в сложных родах. Да и поддержка этого энергичного и умного старикана мне сейчас была необходима в этом непростом и новом для меня деле. Хотя наверно и не новым – я опять поневоле вспомнил свое детство.

Нафиса я знал уже лет пятнадцать, еще со времени обучения в медресе Кермана. Его полное имя - Бурханиддин Нафис ибн Эваз хаким аль-Кирмани (11). Он был настоящим ученым лекарем, кроме того, что он был поклонником Ибн Сины (12) и его учений, Нафис написал известный трактат «Шарх аль-муджаз» («Краткий комментарий»), который изучал влияние наследия Ибн Сины на деятельности других учёных. Я был впечатлен его знаниями и врачебным опытом, и по возвращению в Самарканд рассказал о нем Мирзо. Улугбек сразу же захотел получить такой редкого ученого- лекаря, и сделал Нафису предложение о работе в Самарканде, с доступом к нашей обширной библиотеке. Это стало самым главным аргументом для переезда Нафиса в наш город.

- Как ваше здоровье? Я давно вас не видел, уважаемый Нафис!

- Травы собирал несколько месяцев – махнул рукой Нафис в неопределенном направлении.

- Комары искушали так, что почти все мази на укусы перевел! – засмеялся старик. - Так для чего меня сюда срочно вызвали?

Нафис был не обычный лекарь, какими были многие дервиши на площадях, гордо именовавшие себя лекарями и костоправами. Они лечили простой люд молитвами, заклинаниями, плохо пахнущими порошками из сомнительных святых мест. Нафис был травником и хирургом, с юности штудировавшим древние медицинские трактаты. Он отлично знал анатомию человека, вправлял вывихи и лечил переломы. Я предполагал, что знание анатомии ему дало передвижение с войском Амира Тимура в молодые годы, где этого добра для изучения хватало. На войне он делал операции, вырезал опухоли, зашивал раны.

Я посвятил Нафиса в суть нашей страшной задачи. Старик нахмурился, и озадаченно посмотрел на меня.

Через некоторое время скрипучая арба доставила искалеченное тело Юсуфа, покрытое грязной мешковиной, в дом караульщиков. Два нукера с трудом занесли страшный тяжелый сверток, и аккуратно положили на широкую скамью. Оба быстро выбежали из помещения, зажав рот, чтобы не вырвать свой обед, от которого их оторвали, отправив делать неприятную работу.

Скрепя сердце, я вошел в караульную после Нафиса.

Тело уже издавало трупный запах, пролежав под жарким самаркандским солнцем.

Старый лекарь развернул мешковину. Покойник был завернут в рулон красной материи, как будто бы в саван. Люди, нашедшие его, начали было разворачивать, но увидев черные руки, в ужасе оставили лоскуты материи на трупе. Нафис аккуратно разрезал скальпелем остатки ткани, снял их и стал осматривать тело бедного покойника.

Я подошел поближе, закрыв нос и рот платком, чтобы немного избавиться от ужасного запаха.

Руки покойника были связаны обрывком той же красной ткани.

- Посмотрите, Али! – он взял почерневшую руку несчастного Юсуфа, и приподнял их выше.

- Эти черные руки так напугали дервишей, что они начали шептать на базарах про шайтана. Убийца втыкал иголки под ногти при жизни, поэтому они так почернели. Видите эти отверстия под ногтями? – старик сунул под мой нос обезображенные черные пальцы покойника, от чего я в испуге отшатнулся.

- Убийца пытал бедного Юсуфа?

- Да, причем долго. Все ногти со следами иголок.

- Но зачем кому-то мучать ученого человека? Денег у него много не было, только то, что платили ему за лекции в медресе.

- Дело может быть не просто в деньгах, а в больших деньгах. Или месть за какое-то прошлое деяние. Либо это может быть душевно больной человек – а таких я встречал, тех, кто любит мучить живых существ, будь то человек или собака, – Нафис покачивая головой и аккуратно положил руку Юсуфа на стол.

- Самое странное – посмотрите – убийца отрезал один палец под корень! – Нафис поднял вторую руку покойника и опять сунул мне прямо под нос.

Я от неожиданности опять отпрянул в сторону.

- Не понимаю, зачем он это сделал! – пробормотал я, - Нафис, а как он умер? Я не вижу следов кинжала или удара дубиной.

Лекарь внимательно осмотрел еще раз все тело, потом взял мокрую тряпку, и почистил его лицо и шею.

- Али, посмотрите на этот след на шее! – старик аккуратно провел пальцами по шее покойника.

Я, преодолевая тошноту, наклонился ближе к шее. На ней отчетливо была видна борозда.

- Это волосяной аркан!

Нафис пальцами поскреб след от борозды, что-то там подцепил ногтями, и поднес к моим глазам – это были волоски от аркана.

- Вам ничего это не напоминает? Помните того торговца книгами, которого кто-то убил и ограбил два месяца назад по дороге из Самарканда?

Нафис напомнил мне еще раз это событие, которое мы уже обсуждали с Мирзо. В Самарканде давно не происходило подобных преступлений, городская стража работала хорошо, да и город процветал, не было сильно нуждающихся, которых бедность и голод могли толкать на такие жуткие вещи.

- Помните, тот несчастный тоже был задушен арканом, и у него тоже был отрезан палец! Я тогда осматривал его тело - меня попросил начальник караула.

- Мирзо думает, что эти две смерти как-то связаны.

Нафис выпрямился, и потер затекшую шею:

- Да, похоже, это тот же самый убийца!

- Возможно. Только зачем он пытал Юсуфа? Обычная причина всех насильственных смертей - убийство ради денег, или в результате случайной ссоры. Но пытаться человека перед смертью – с какой целью?

Нафис пожал плечами и принялся заворачивать покойника в грязные тряпки.

Я распорядился предать тело Юсуфа земле на городском кладбище, как правоверного мусульманина. Хаким заикнулся сначала, что люди плохо посмотрят на то, что там лежит ученик шайтана, но я сунул ему под нос письмо с подписью Улугбека, которое быстро успокоило градоначальника, а несколько серебряных динариев полностью развеяли сомнения хакима в том, что Юсуфа убили шайтаны.

После похоронных процедур, под косыми взглядами горожан, мы вместе с Нафисом отправились в дом убитого.

Юсуф жил в небольшом доме с маленьким неухоженным виноградником в пригороде Самарканда. Убранство дома было скромным - только стол, пару стульев, и полки, забитые книгами. Точнее - были забиты книгами, так как теперь они были разбросаны по всему полу, как будто кто-то в них что-то искал.

Я поднял с пола несколько книг, и удивился разносторонним интересам Юсуфа. Тут были трактаты по математике – индийские, арабские, персидские. Даже был мой собственный трактат, что вызвало некоторый прилив честолюбивой гордости. Здесь были философские, богословские книги, а также книги по медицине – несколько трактатов Ибн Сины. Больше всего было книг по истории от Геродота до Улугбека - книги Мирзо были особенно зачитаны.

Я знал о начитанности и эрудиции Юсуфа, но не мог себе представить, каким разносторонним он был ученым.

На полу лежали рассыпанные листы бумаги – это были записи Юсуфа, написанные быстрым неровным почерком.

- «Трактат о правлении странами с древнейших времен» - я прочитал вслух оглавление, - я думал, что Юсуф интересуется только математикой и геометрией!

- Али, посмотрите сюда! – лекарь показал на стол. На нем стояли два бокала и кувшин.

Осторожно подняв кувшин, я поднес его к носу – пахло вином - на первый взгляд, ничего необычного.

Лекарь взял оба бокала, поочередно сунул в них свой большой нос (чтобы он без него делал!), макнул палец в остатки напитка сначала одного бокала, попробовал кончиком языка, потом макнул палец в другой бокал, сделав ту же процедуру, и тут же выплюнул.

- В одном из них настойка мака, Юсуфа скорее всего усыпили!

- Похоже на то, что Юсуф знал убийцу, и выпустил его домой. Но кто это мог быть, Юсуф же здесь жил не так долго? – С каждой новой загадкой смерть Юсуфа становилось все более странной.

- Убийца, скорее всего, усыпил его, и увез спящим. Но куда? И где он мучал его? - Нафис в недоумении покачал головой.

- Посмотрите, вот и ткань, от которой оторвали часть, чтобы обернуть тело, и связать руки несчастного Юсуфа! - Нафис показал на отрез материи, лежащей в углу комнаты.

Я поднял остатки красного отреза, и положил его в свою сумку. «Спрошу у жены, что это за ткань, она в этом лучше разбирается».

Опросы соседей тоже ничего не дали. Здесь люди старались заснуть с закатом, а вставали с рассветом. Никто ничего не видел и не слышал.

Сосед сказал, что Юсуф переехал сюда недавно, а до этого он снимал комнату рядом с кварталом, где делали арбы.

Мы с Нафисом договорились встретиться на следующее утро на этой улице, чтобы поговорить с хозяином комнаты и его соседями. Кто знает, может быть, они что-то вспомнят.

После тяжелого на события дня я отправился в городскую баню, чтобы смыть с себя запахи и пыль кладбища, и переодеться в чистую одежду, которую со слугой передала моя супруга.

Наконец-то поздно вечером я добрался до своего уютного дома.

Не успел я зайти в дом, как на меня вихрем налетела пятилетняя любимица Гульшат.

- Папа, у меня еще один зуб выпал! – она гордо продемонстрировала свой сахарный зубик.

Младший сын, не дождавшись, уже давно спал в своей кровати.

Я поднял дочку и прижал ее к себе – и все тяжелые воспоминания дня выветрились сами собой.

Навстречу вышла моя красавица жена – Шахноза.

- Я слышала про смерть Юсуфа. Пусть Всевышний пустит его в рай.

Мы долго стояли обнявшись, и я чувствовал, как тяжесть в груди постепенно растворяется от тепла любимого человека.

В этот вечер Шахноза приготовила прекрасный ужин – стол ломился от вкусных блюд, фруктов в сахаре, сладостей. А в центре стола, на большом китайском фарфоровом блюде дымился ароматный – мой любимый – плов, самый лучший в Самарканде. Так меня уверяла моя жена, и поверьте, лучше с ней не спорить на эту тему.

- Чем я заслужил такое пиршество? – шутливо спросил я, набив желудок и откинувшись на тахту.

- Как? неужели ты забыл? Десять лет назад мы поженились! – глаза Шахнозы засверкали, превращаясь в маленькие черные грозовые тучки.

- О Всевышний, прости, любимая, совсем из головы вылетело! За мной подарок!

При упоминании о подарке Шахноза милостиво меня простила, а мы вспомнили те радостные и волнительные для нас события.

Вечером Шахноза не стала расспрашивать о случившемся.

Утром, отдохнувший и выспавшийся, я рассказал обо всем, что знаю, своей жене – между нами не было секретов.

- Но почему именно тебе поручил Мирзо это страшное дело? Ты же просто ученый, а не кази или караульный?

- На самом деле у меня уже был подобный опыт, еще в детстве. Благодаря этому я и познакомился тогда с Мирзо.

- А почему ты мне не рассказывал? Я думала, все знаю про своего мужа. Может у тебя в Кермене остались жена и пятеро детей? – Шахноза встала передо мной, скрестив руки с грозным видом, но потом не выдержала и засмеялась.

- Я не рассказывал тебе об этом случае, потому что это тяжелые воспоминания, связанные со смертью моего отца.

Шахноза не стала настаивать.

- Лучше ты объясни мне, что это за материя? – я достал из своей сумки кусок красной ткани, которую подобрал в доме Юсуфа.

- О, это очень дорогая материя! Это сакарлот- и- кермези – тонкая красная ткань из шерсти. В Самарканде ее давно не делают, ее привозят из Бухары. Это им обмотали тело бедного Юсуфа? – Шахноза содрогнулась от мысли, что в эту ткань убийца завернул тело ученого.

- Да, в отрез этой ткани. Это остатки, мы нашли их в доме Юсуфа. Сейчас мне надо ехать на встречу с Нафисом, а ту историю из детства я обязательно расскажу, как будет время.

Мы с лекарем условились встретиться утром на улице Арабачион. Самарканд был разделен на торговые и ремесленные районы. Отдельно стояли районы кузнецов, ткачей, гончаров, ювелиров, оружейников, и мастеров по арбам, где поначалу снимал комнату Юсуф. Каждый ремесленным районом руководил старшина тайфы - ремесленной гильдии. Как правило, мастерство передавалось от отца к сыну - это было семейным делом, новички не имели права без разрешения тайфы создавать такое же дело в Самарканде.

Нафис уже ждал меня, попутно рассказывая какой-то старушке, как можно укусами пчел вылечить ревматизм. Женщина внимательно его слушала, но как только Нафис заговорил о пчелах, ее глаза недоверчиво расширились, а потом она закричала на него на всю улицу:

- Ты что, старик, с ума спятил? Вот еще, буду я прикладывать пчел к своей спине! За городом, говорят, один слепой дервиш есть. Он руку на спину положит, две молитвы почитает, и как рукой снимет боль! – старуха отвернулась от Нафиса, и гордо заковыляла, опираясь на суковатую палку.

- Да, не все ваши пациенты принимают ваше лечение! – посмеялся я над опешившем от такой реакции Нафисом.

Мы зашли во двор дома, который снимал Юсуф, когда только приехал в Самарканд. В это время там уже кипела работа – сыновья хозяина и два подмастерья делали новые арбы. Повсюду были сложены колеса, металлические ободы, деревянные решетки. Вкусно пахло свежей стружкой и смолой.

Поздоровавшись с хозяином, загорелым мужчиной лет сорока пяти, с жилистыми от постоянной работы с деревом руками, мы объяснили цель визита.

- Уфф, вы по этой причине. А то я подумал, опять сборщики налогов, - мужчина облегченно вздохнул. Он предложил нам сесть на длинную скамью, и попросил младшего сына принести холодной воды.

- А что вы хотели узнать?

- Чем занимался Юсуф вечерами? – спросил я.

- Что вам сказать, это был спокойный тихий человек, он поздно вечером возвращался, ужинал, и до ночи читал свои книги, что-то писал у себя на бумагах. Только масло много расходовал на светильники, но платил за все расходы, претензий к нему не было. Да, еще, у него был слуга.

- Какой слуга? Его не было в доме, – мы с Нафисом удивленно переглянулись.

- Старик один, он устроился к нему, когда Юсуф снял у нас комнату. Он ему еду готовил, вещи стирал.

- А куда он делся, где сейчас находится?

- Этого я не знаю, Юсуф как переехал в отдельный дом за городом, так я их не видел. Знаю только, что он родом из Шахрухии. Может туда вернулся, – пожал плечами хозяин.

- А кто-нибудь приходил к Юсуфу?

- Нет, не припомню. Хотя – да, был один человек. Судя по одежде и говору, купец из Бухары. Они, похоже, старые знакомые - всю ночь сидели, что-то обсуждали. А под утро очень сильно поругались. Потом гость хлопнул в гнев дверь и уехал. Я еще подумал – ну что за неучтивость! – мужчина недовольно покачал головой.

Больше ничего интересного мы не выяснили.

- Где же нам искать слугу Юсуфа? Наверняка он знает больше про своего хозяина, – спросил Нафис, когда мы вышли из дома мастера.

- Я думаю, надо предупредить соседей дома Юсуфа. Если вдруг вернется слуга, пусть пошлют за караульными. А так мы его не найдем. Мы не знаем, как его зовут, и где он живет.

Позже я встретился с начальником караула, и попросил, чтобы те предупредили соседей Юсуфа.

Весь оставшийся день я провел в обсерватории, за разбором записей позавчерашних ночных наблюдений. Только у меня не получалось полностью сосредоточиться на работе - впечатления от вчерашнего жуткого происшествия не выходили из головы.

Я вспомнил, как первый раз познакомился с Юсуфом.

Это было год назад. После полудня я должен был встретиться в обсерватории с аль Каши – своим учителем и наставником.

Я любил неспешно подъезжать на своем иноходце Акмандае к величественному и необычному для строений Мавераннахра цилиндрическому зданию высотой сорок восемь газов (около тридцати метров). Для меня это казалось величественным памятником науке, гордо стоящим на холме, словно бросая вызов всем ненавистникам ученых.

Подъехав поближе, я увидел аль Каши вместе с незнакомым человеком. Незнакомец то и дело задирает голову, с которой периодически падала чалма, с восторгом осматривая обсерваторию.

Спешившись и привязав лошадь, я поприветствовал своего учителя и знакомого.

- Али, познакомьтесь, это Юсуф, математик из Герата. Я слышал о его интересных математических изысканиях, особенно в исследованиях шифров, и, с позволения Мирзо, пригласил его поработать с нашими учеными в обсерватории. Вот, рассказываю, как мы ее проектировали и строили, сколько проблем решали! – с гордостью заявил Аль Каши.

- О, я читал все ваши трактаты, уважаемый мавляна Кушчи, мне будет очень интересно с вами поработать, – Юсуф прижал руку к сердцу и с уважением поклонился, а затем продолжил.

- Я потрясен вашей обсерваторией. Такого, насколько я слышал, нет нигде в мусульманском мире, ни в Индии, ни в христианских странах! Почет у уважение вашему ученому Мирзо!

Аль Каши довольно улыбнулся.

- Знали бы вы, уважаемый Юсуф, чего нам стоило создание этой обсерватории! От идеи до воплощения прошло целый 12 лет. Иногда мы вставали в тупик, не могли решить проблемы, которые возникали перед нами. Несколько раз бросали эту мысль, а потом опять возвращались к ней.

Юсуф еще раз с восхищением оглядел обсерваторию, потом с торжественным видом произнес:

- Я потрясен увиденным и готов влиться в ваше научное братство. Я постараюсь всеми своими скромными знаниями принести пользу вашим исследованиям!

Отложив бумаги, я встал, потянув вверх затекшую шею.

На меня нахлынули волнующие воспоминания о том, как мы строили и проектировали нашу обсерваторию.

Мирзо Улугбек еще в раннем детстве был впечатлен обсерваторией в Мараге (13), которую основал великий астроном Насир ад Дин ат Туси (14) при дворе хана Хулагу (15). Тогда это были величественные развалины, но они все еще производили неизгладимое впечатление. Именно там был создан знаменитый Ильханский зидж (16) - итог двенадцатилетнего наблюдения за звездным небом.

Обсерватория стала мечтой для Улугбека, он обсуждал ее создание со своими учеными, но никто не имел представления, с чего начать.

Все изменилось, когда Улугбеку попал в руки трактат Джамшида аль Каши - “О разъяснении инструментов для наблюдения”. Мирзо сразу же ухватился за идею постройки обсерватории, и пригласил аль Каши в Самарканд, предложив тому воплотить его научные идеи в жизнь.

С этого все и началось. Мирзо собрал самых лучших ученых Мавераннахра и Хорасана. Спорили и ругались до изнеможения, рисовали на бумаге, строили макеты. Мирзо даже решил бросить эту затею - слишком сложно и затратно все это было.

Но Улугбек пришел к выводу, что все-таки надо строить обсерваторию, после того как Аль Каши сделал модель сферы звездного неба, и нанес на ней звёзды по каталогу Абдуррахмана Суфи (16). Расположения звезд начали проверять своими приборами, усовершенствованными Аль Каши - оказалось, что в расчетах Суфи очень много ошибок.

И тогда Мирзо Улугбек решил - будем строить свою обсерваторию!

В основе обсерватории должен был находиться огромный секстант Фахри, созданный еще четыреста лет назад в Исфахане астрономом аль - Кужанди (17). Уже тогда это был самый большой секстант - он представлял собой шестидесятиградусную дугу диаметром тридцать два газа (около двадцати метров), и позволял достаточно точно для того времени измерять отклонение от эклиптики, высоту Солнца и Луны, угловые расстояния между звездами и планетами.

Но Улугбек хотел большей точности - секстант диаметром шестьдесят четыре газа. Сразу же возникла проблема - слишком дорого обойдется строительство высокого здания. Тогда наш Мирзо предложил часть секстанта погрузить в землю. Посчитали, посоветовались с зодчими - да, это было возможно!

Для строительства обсерватории нашли хорошее место подальше от городского дыма, на горке Кухак.

До начала строительства сделали модель из дерева и чертежи в разрезе, чтобы мастера знали, где и как усилить конструкцию. Это было цилиндрическое здание в три этажа - такого никто и никогда не строил еще в Мавераннахре.

В здание нужно было поместить Секстант, который представлял дугу $1/6$ окружности, и должен располагаться точно по меридиану. Радиус окружности секстанта составлял шестьдесят четыре газа. Половина окружности находилась ниже поверхности земли. По длине подземной части были проложены мраморные перила, по которым катилась небольшая тележка с бронзовым зеркалом, которая должна была ловить солнечный луч от диоптра. Вдоль перил были размечены знаки с градусами.

Для подземной части пришлось выдалбивать в скале галерею, благо камень был достаточно мягкий. Эти же камни пошли на возведение стен обсерватории.

Пока шло строительство, рядом с будущей обсерваторией по указанию Мирзо разбили два сада. В одном был павильон Чихиль сутун - сорок витых мраморных колон. Другой поменьше - Чина хана. Стены в нем были выложены плиткой из китайского фарфора - потрясающе красивое здание! Мирзо Улугбек все свободное от управления страной время проводил именно там, обсуждая с учеными будущую обсерваторию, заодно лично контролируя строительство.

Наконец, после многих лет проектирования, четырех лет строительства с перерывами на две войны - перед нами возник настоящий памятник науке - наша обсерватория (18)!

А теперь представьте себе человека, который впервые жизни увидел это здание.

Человек, приближаясь издали, видит трехэтажное здание цилиндрической формы, высотой сорок восемь газов и диаметром семьдесят семь газов (около 48 м), отделанное красным жженым кирпичем и украшенное мраморными плитками, сияющими на солнце. В здании по кругу расположены застекленные окна, через которые льется свет в комнаты для ученых и в библиотеку.

На краю плоской крыши здания был установлен диоптр - небольшое отверстие, через которое проходил свет, и можно было наблюдать движение планет и солнца.

На крыше размещались азимутный круг и вращающийся квадрант, усовершенствованные Аль Каши, дававшие возможность фиксировать самым точным образом координаты светила в любой точке небесной сферы. Ближе к центру крыши расположились солнечные часы - гномон - которые по тени определяли угловую высоту Солнца.

Не было большей радости для нас, ученых, когда это величественное здание было построено, в котором мы смогли воспользоваться точнейшими астрономическими приборами для написания нового зиджа – трактата о расположении светил Мирзо Улугбека!

Вечером в обсерваторию приехал Улугбек - мы договорились провести несколько наблюдений за планетами - стояли ясные безлунные ночи.

Я рассказал ему о расследовании дела убийства Юсуфа.

Мирзо сидел, нахмурившись.

- Итак, Али, кто же мог убить нашего друга?

- На мой взгляд, у нас пока три возможных человека, которые по той или иной причине что-то могут знать, или быть причастными. Из известных – слуга Юсуфа и таинственный купец из Бухары. Если мы их найдем, может, узнаем что-то больше. Третий - убийца - возможно тот же человек, который задушил торговца книгами. У обоих несчастных отрезан один палец. Только торговца не пытали перед смертью, как нашего бедного Юсуфа, – я тяжело вздохнул, вспомнив истерзанное тело нашего коллеги.

- Хорошо, Али, попробуйте найти кого-то из них. Мне не нравится, что погибли именно близкие нам люди, из-за этого дервиши раздувают среди людей слухи про шайтанов. Возможно, завтра на проповеди в центральной мечети что-то подобное могут высказать.

В городе было беспокойно. Вторая смерть, похожая на первую, да еще с отрезанными пальцами, не на шутку перепугала самаркандцев. Дервиши разных орденов с удовольствием подбрасывали сухой хворост слухов о шайтане в огонь страха.

Мы с Мирзо решили сами послушать, о чем будет говорить в пятничной хутбе известный проповедник Сейид-Ашик. Его способность управлять толпой, пугая и завораживая наивных людей картинами ада и рая, сравнивали чуть ли не с самим пророком Мусой.

Главная мечеть была заполнена, люди стояли даже на улице и внимали каждому слову проповедника.

Телохранители нам с Мирзо с большим трудом проделали дорогу к самой кафедре. Сейид Ашик заметил нас, ничуть не смутившись, и даже на вид обрадовался, что его лекция попадет прямо в уши «главному грешнику», как он за глаза называл Мирзо Улугбека.

- Правоверные! – зычным голосом, неожиданным для тощего старичка со сморщенным лицом, начал Сейид Ашик.

- Вы знаете, что ждет грешников, попавших в Джаханнам (19)?

Люди часто слушали речи мулл о том, что будет с грешниками на том свете, но каждый раз при упоминании об этом они пугались так же, как и раньше.

Сейид Ашик обвел немигающим взглядом окружающих, на несколько мгновений остановившись на наших лицах, затем продолжил.

- Назначенные Всевышним ангелы сначала свяжут железными цепями тела грешников. После чего начнут их жечь со всех сторон, постоянно сдирая кожу, заливая им в рот кипяток и гнойную воду, отчего глотки грешников будут гореть и гноиться, вызывая нестерпимую боль!

Последние слова проповедник проговорил жутким хриплым голосом, будто сам испытал все, что рассказывал.

Толпа в страхе отшатнулась и загудела.

Сейид Ашик поднял руку, и все разом замолчали.

- Там, в Джаннахаме, кроме людей, мучаются и джинны. И вот некоторых джиннов ангелы избавляют от страданий, если они принесут им взамен души грешников и еретиков! Они возвращаются на нашу землю, чтобы найти и привести этих еретиков в Джаннахам! А что же их искать, если они сами толпами собираются в своем еретическом доме, который называют

обсерваторией, читают книги неверных и отступников от шариата! Это джинн так зверски убил этих еретиков, которым покровительствует наш Правитель!

Сейид Ашик демонстративно не смотрел на нас, зная, что взоры толпы сейчас обращены к нам.

Один из телохранителей наклонился к уху Мирзо и прошептал:

- Мирзо, разрешите, я его прилюдно отхлестаю нагайкой за наглость?

Улугбек отрицательно мотнул головой, и внезапно поднялся по ступенькам на помост кафедры.

Проповедник сначала немного испугался, а потом, увидев доброжелательное лицо Мирзо, немного успокоился и гордо посмотрел на толпу, выставив вперед куцую седую бороду.

- Уважаемый Сейид Ашик, уважаемые правоверные! – обратился ко всем Мирзо.

- Я не хочу нарушать правила пятничной хутбы, тем более что ее читает сам Сейид Ашик, которого за его красноречие сравнивают с самим пророком Мусой. Правда ведь, уважаемый Сейид? – Улугбек обратился к проповеднику.

- Я скромный мулла, куда мне до пророка Мусы, который говорил с самим Всевышним! – не без гордости произнес Сейид.

- Уважаемый Ашик, вы считаете, что вы хуже Мусы? – спросил Улугбек проповедника без тени подвоха в голосе.

- Конечно, я всего лишь скромный мусульманин, я намного хуже пророка Мусы, посланника Всевышнего! – заявил Ашик, с вызовом глядя на Мирзо.

- Скажите тогда, уважаемый Сейид, кто хуже – неверный Фараон, или я? – Улугбек с любопытством посмотрел на Ашика.

Проповедник замаялся и не сразу ответил. Посматривая на нагайку телохранителя, наконец выдал:

- Фараон хуже конечно, чем вы, Мирзо!

- Вы, наверно, прекрасно помните, уважаемый Сейид Ашик, что сказал Всевышний Мусе? – «Разговаривай с Фараоном мягко, не груби ему».

- Да, помню, – проповедник был сбит с толку, не понимая, к чему клонит Улугбек.

- Так вот, почему вы, который хуже пророка Мусы, говорит со мной, который лучше Фараона, так неуважительно и грубо? – Улугбек с веселой искоркой в глазах посмотрел на Сейида, потом перевел взгляд на народ в мечети, и улыбнулся.

Люди засмеялись и облегченно вздохнули. Призраки джиннов, мучающих грешников, растворились в остроумном вопросе Мирзо.

Сейид Ашик молчал, красный как переспелое яблоко, со злостью наблюдая, как его страшная проповедь превратилась в ходячий анекдот.

После очередного ночного наблюдения в обсерватории я вернулся домой под утро, с намерением поспать до обеда.

Но удалось прикорнуть только на пару часов, так как меня разбудил молодой нукер (20), посланный начальником караульной службы.

Сначала я спросонья не понял, о чем идет речь.

- Мавляна Али, слуга приехал, мы его сразу задержали, как вы и приказали! – сказал гонец.

- Какой слуга? Зачем меня разбудили? – я не мог ничего понять, голова опять клонила на подушку.

- Начальник сказал, вы просили доложить сразу, как только найдется слуга этого, как его, покойника, на прошлой неделе которого на бахче нашли, – оправдывался молодой нукер.

Тут наконец до меня дошло. Я быстро оделся, сполоснул лицо. Шахноза хотела меня еще накормить завтраком, но я очень спешил, чмокнул ее в щеку, словил сердитый взгляд, и поспешил за нукером.

В караульном помещении сидел, сжав голову в плечи, мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, бедно одетый, и испуганно смотрел на всех входящих.

- Это Кадыр, слуга Юсуфа. Приехал утром в его дом, спросил у соседей, что случилось. Они мальчишку своего послали к нам, пока ему рассказывали, что да как, – отчитался мне начальник караула.

- Кадыр, это уважаемый мавляна Али, расскажи ему, все что ты знаешь о Юсуфе! И ничего не утаивай! – грозным тоном обратился к слуге начальник.

- Я, я не знаю, я сам только узнал об этом горе! Я уезжал в Шахрухию, у меня там брат умер, на годовщину, – Кадыр нервно сжимал свою шапку.

По его пыльной одежде и грязному лицу, по которому катились слезы, было видно, что человек только что вернулся с далекого путешествия.

- Кадыр, успокойся, тебя никто ни в чем не обвиняет. Просто ответь на несколько вопросов, – обратился я к слуге.

Я налил ему воды из кувшина в бокал. Он жадными глотками выпил все, и поблагодарив меня, вытер лицо грязной шапкой.

- Я слушаю вас, мавляна Али. Задавайте вопросы, – успокоившись немного, сказал Кадыр.

- Прежде всего, Кадыр, когда ты уехал в Шахрухию, и выехал обратно?

- Я еще месяц назад выехал из Самарканда. Мой брат скончался год назад, я тогда не смог приехать на похороны, денег не было. У меня была небольшая лавка на базаре, но я разорился – налоги большие не смог платить. Вот и подрабатывал, тому помогу, другому – товар привезти на тележке, ночью поохранять. А когда к приезжему ученому Юсуфу устроился, уже легче стало с деньгами, платил он хорошо. Вот и поднакопил, чтобы на годовщину к брату поехать. А обратно выехал с попутным караваном неделю назад.

- Кто-нибудь может подтвердить, что вы были в дороге?

- Караван-баши может, Бахтияр-ага из Шаша, он в караван – сарае остановился, который возле медресе Мирзо Улугбека!

Я отозвал начальника караула, и попросил послать кого-нибудь из нукеров, чтобы срочно нашел караван - баши и привел к нам.

В тесном караульном помещении становилось жарко, я с трудом стоял на ногах, очень хотелось спать. Я предложил выйти всем во двор, и сесть в тени дерева. После того как мы расположились под деревом на длинной скамье, мне стало легче, и можно было продолжить разговор с Кадыром.

- Сколько ты уже служишь у Юсуфа, Кадыр?

- Уже наверное год, сразу же, как Юсуф приехал в Самарканд. Я стоял возле караван-сарая, когда увидел, как с верблюдов разгружали поклажу ученого человека. Я предложил ему помочь довести на своей тележке, куда ему было нужно. Он тогда договорился снять комнату у мастера арбы, пока не найдет достойное жилье. И пока я вез тележку, точнее мой ишак вез, мы разговорились, и он предложил мне работу слуги. Ничего сложного – готовить еду, стирать, убирать - я это все могу. Утром я к нему приходил, вечером уходил. Его часто допоздна не было, иногда он у вас в обсерватории оставался на ночь.

- Кадыр, кто-нибудь навещал Юсуфа? Соседи говорили, что был какой-то купец из Бухары?

- Да, это верно. Кроме этого купца, никто не приходил больше. Юсуф был одиноким человеком, сторонился женщин и шумных компаний.

- Расскажи поподробнее про эту встречу с купцом.

- Ну, я об этом мало что знаю. Юсуф как-то сказал мне, что ждет на днях одного человека из Бухары, он с караваном направлялся в Самарканд. И чтобы я прибрался, купил свежее мясо, приготовил хороший ужин к этому дню. Юсуф в этот день не пошел в обсерваторию, одел свой лучший халат. Я приготовил плов, накрыл на стол. Вечером пришел этот человек, и я ушел домой. А, что еще заметил – они с Юсуфом давно друг друга знали, думаю.

- Почему так думаешь, Кадыр?

- Мой хозяин был немного нелюдимым и малоразговорчивым. Я когда грузил его вещи, там два сундука было. Ну, думаю, посуда, одежда. Нет, там были одни книги! Юсуф вечерами читал все эти книги, и что-то записывал в свои бумаги. А тут при встрече с гостем они так обрадовались друг другу, как очень старые друзья.

- Кадыр, нам хозяин дома сказал, что под утро слышал, как Юсуф с гостем ругались, и что гость хлопнул дверью и ушел.

- Я сам не видел и не слышал, как они ругались. Наутро, когда я пришел, Юсуф был не в настроении, и отослал меня домой. Этот его друг привез ему в подарок красивую дорогую материю, красного цвета. Так хозяин сказал мне продать эту материю, но мне было жалко продавать. У Юсуфа все халаты были уже старые, а он все деньги тратил на книги. Я думал, потом, когда он успокоится, предложить пошить ему новый халат. Да вот уже и не получится, – тяжело вздохнул слуга.

- Я же к нему очень привязался. Хороший был человек, до сих пор не могу поверить!

По его щекам покатались слезы.

Мне было не по себе. Видно было, что слуга искренне скорбит по Юсуфу.

В это время нукер привел караван-баши, о котором говорил слуга. Он подтвердил, что старик был с ними в караване из Шахрухии, и поэтому тот никак не мог быть причастен к смерти Юсуфа.

Я хотел уже отпустить старика, но потом вспомнил одну мысль, которая не давала мне покоя.

- Скажите, Кадыр, у Юсуфа было кольцо на пальце?

Старик наморщил лоб в задумчивости, а потом воскликнул:

- Да, он иногда надевал серебряный перстень с печатью. И кажется очень дорожил им.

- А на каком пальце и на какой руке он его носил?

- Кажется, на безымянном пальце левой руки.

- А вы не помните, что было на печати?

- Там был нарисован какой-то знак, типа тамги. Но я не присматривался, не помню точно. Больше у меня не было вопросов.

Женитьба Али

примечание Мерима Челеби.

Я сделаю небольшое отступление, и расскажу о том, как в юном возрасте мой дед женился на моей бабушке Шахнозе. Я все детство провел рядом с ними, может даже больше чем со своими родителями. Да пусть простят меня потомки, читающие эти записи, но мне хотелось бы рассказать немного о любви Али Кушчи и Шахнозы. Далее рассказ от моего деда, так, как он обычно рассказывал его внукам, правда бабушка Шахноза часто была не согласна с его пересказом и вносила свои замечания.

Шахноза была дочерью Салиха, друга моего покойного отца. Салих считался богатым купцом и торговал самаркандской бумагой, что славилась во всех концах света, а также привозил шелк и специи из Китая.

Когда я уехал в двенадцатилетнем возрасте в Кермен, на учебу в медресе, она была десятилетней девчонкой с озорными черными глазами и кучей косичек.

После возвращения в Самарканд я был сильно занят помощью Мирзо в организации нового медресе, преподаванием и написанием первых книг.

Однажды Салих прислал через слугу записку, с просьбой прислать мою недавно изданную книгу по математике. Я не удивился, так как Салих был знатоком математики, как и многие серьезные купцы.

Через два месяца Салих через слугу передал ее обратно. На полях книги были отметки с неровным почерком с довольно дельными замечаниями. Это было достаточно необычно, так как Салих отличался исключительной аккуратностью, и никогда не писал на полях книг, которые я ему передавал.

Заинтересовавшись, кто сделал эти заметки, я решил зайти к купцу, под предлогом проводить его после приезда. Взяв с собой хорошие подарки, вечером я приехал к дому купца.

Добротный купеческий дом был окружен большим цветущим садом. В тени деревьев, увитая виноградником, стояла небольшая беседка рядом с аккуратным круглым фонтаном, откуда била струйкой прохладная вода.

Старый Салих очень обрадовался моему визиту.

- Что же ты не навещал меня после приезда? Я понимаю, ученый человек, но один вечер можно было бы выделить старому другу твоего отца? - Салих укоризненно покачал седой головой.

- Прошу прощения, уважаемый Салих ага. Мирзо Улугбек сразу взял меня в оборот - было очень много работы, строили медресе. Преподавал студентам, издавал трактат по математике. Только сейчас немного освободился.

- Ладно, ладно, знаем про нашего Мирзо, его неугомонный характер! - примирительным тоном произнес Салих, пригласив меня немного перекусить.

В саду под тенистыми деревьями был накрыт богатый стол. Мы вспоминали прошедшие времена, Салих со смехом рассказывал байки про свою молодость и моего отца, расспрашивал про мою учебу в Кермене. Я рассказал, как поначалу было трудно в чужом городе, но со временем привык, и получил хорошее образование в Иране.

Наконец я решил спросить Салиха про книгу.

- Это моя дочь попросила, Шахноза. Очень любит книги по математике и астрономии. Только зачем ей это? Лучше бы вышивать училась, замуж пора - уже семнадцатый год пошел! - посетовал купец.

- Сейчас я ее позову, отругаю, за то, что испортила твою книгу, – поднялся Салих с притворным гневом.

- Шахноза, дочка, иди сюда. На тебя жалоба поступила!

Дверь дома открылась, и оттуда выпорхнула молодая девушка. Я не узнал ее – только вот озорные глаза так и сверкали веселыми искрами, как в детстве.

- Приветствую вас, уважаемый мавляна Али! Простите за пометки на листах! – весело прощепетала Шахноза.

Я смущенно встал и поприветствовал девушку.

Постепенно смущение уступило оживленной беседе. Девушку интересовало все – учеба в Иране, работа в медресе в Самарканде, мои новые трактаты, коллеги – ученые.

К концу вечера, прощаясь, я подарил книгу с заметками Шахнозе.

- Оставьте у себя, прошу вас. Очень интересные замечания - учту в следующей книге.

Когда я передал девушке книгу, на мгновение мои пальцы коснулись ее нежной руки. Я посмотрел в глаза Шахнозе, и мое сердце пропало навсегда.

Всю следующую неделю я жил двойной жизнью. Дни были посвящены работе в медресе, преподаванию, обсуждению сложных математических и астрономических задач с кругом учеников. А вечерами я сидел за чтением любовных газелей из библиотеки Улугбека.

Я был без ума от Шахнозы, вспоминая прикосновения к ее рукам и ее взгляд!

Наконец я не выдержал, и вымучил из себя любовную газель. Мне никогда не давалась поэзия и музыка. Математика и геометрия - это была моя основная страсть. А тут - вымученная рифма, корявая и сухая, показались для меня верхом поэзии.

Вот эта газель, да простят меня случайные читатели моих записей!

*Я не могу смотреть на звёзды.
Глаза болят, туманен взор.
Весь зодиак покинул гнезда
Едва ослабил я надзор.
Стрелец охотится на Овна,
Близняшки разругались вдрызг.
Лев не сидит на месте ровно.
Весы сломались в тот же миг.
Твой ясный лик испортил зрение
(Ещё пропал мой аппетит).*

Да, теперь, с высоты своих лет, я понимаю, что научные трактаты давались мне намного легче.

Написав ее красивым каллиграфическим почерком, я отправил ее через слугу Шахнозе, и в нетерпении стал ждать ответа.

Прошло три дня, и когда я, измученный, потерял всякую надежду, мне принесли ответное письмо, написанное неровным девичьим почерком.

Мавляне Али Кушчи от Шахнозы

*Наш небосвод велик и вечен
Бег звезд по небу бесконечен.
Лишь человек здесь на мгновение
Как утреннее птицы пение.
Когда планеты шлют удачу,
Лови ее, Али, иначе*

*Ты обретёшь покой и зрение,
Но счастье ль будет от лечения?
(Чтобы улучшить аппетит
Попробуй чай с шалфеем пить)*

Я был на третьем небе от счастья – а именно на сфере планеты любви – Зухры (Венеры)! Немедля ни минуты, я послал слугу предупредить Салиха о своем визите, надел свою самую лучшую одежду, сел на коня, подаренного Улугбеком, и даже прицепил дамасский кинжал, который подарил мне в Иране старый учитель на прощание.

С бьющимся сердцем и с надеждой я вошел в дом Салиха, но, увидев серьезное лицо старого купца, почувствовал, как холодом сжимается мое сердце.

- Уважаемый Салих ага, вы всегда были хорошим другом моему покойному отцу, и очень добры ко мне, – стараясь не волноваться, начал я свою речь.

- Я пришел, чтобы просить руки вашей дочери, – выпалив на одном дыхании, я с надеждой посмотрел на Салиха.

Купец молчал некоторое время, теребя свою бороду, потом с тяжелым вздохом заговорил.

- Дорогой мой Али! Я люблю тебя как своего сына, и с огромным удовольствием отдал бы за тебя мою любимицу Шахнозу. Но в последние два года я был почти разорен! Я потерял большой караван – неведомая болезнь унесла жизнь всех верблюдов по пути из Самарканда. Караванчики сами еле живыми выбрались оттуда, потеряв в пустыне верблюдов со всем товаром!

Старик начал всхлипывать и причитать, вспоминая свои убытки. Мне стало не по себе от этой сцены.

Наконец Салих немного пришел в себя.

-Я долго думал, как выправить свое финансовое положение и встать на ноги. И тут от одного моего друга, тоже купца, очень, очень богатого человека из Бухары, поступило предложение. Он хочет женить своего сына на моей Шахнозе, и объединить наши торговые дома. Я не хотел бы отдавать Шахнозу замуж без ее желания, но иначе я разорюсь!

Салих опять зашмыгал своим толстым носом.

- Так что прости меня, Али, я не могу выдать за тебя замуж мою дочь.

Я попрощался с Салихом как в тумане, и, отказавшись от угощения, вышел из дома, где, не успев найти свое счастье, сразу же его потерял. Мои ноги заплетались, как у пьяного. С трудом сев на лошадь, я с разбитым сердцем поехал домой.

Мирзо Улугбек давно заметил, что со мной творится что-то неладное. После отказа Салиха я был похож на призрак самого себя, так что Мирзо пришлось припереть меня к стенке.

Сначала я ссылаясь на лихорадку, но, когда лекарь Нафис по просьбе Улугбека осмотрел меня, послушал мою грудь, сунул свой длинный нос в мой открытый рот, и вынес вердикт – парень здоров, но с головой не в порядке – мне, бедному влюбленному, пришлось признаться в своей трагедии.

- Что же ты сразу не сказал? Я твой поручитель, вместе пошли бы свататься! – рассердился на меня Улугбек.

- Иди домой, приведи себя в порядок, помойся, побрейся. Одень свою лучшую одежду. А, ты же у нас бедный ученый, ходишь в чем попало! Приведите ко мне моего портного, живо! – распорядился Улугбек.

На следующий день в направлении дома купца Салиха из дворца Улугбека вышла целая процессия. Во главе ее на белом арабском скакуне находился сам Мирзо, рядом с ним на гнедом жеребце, украшенном позолоченной сбруей, сидел я, в новом, с иголки, парчовом халате, и в новых яловых сапогах. Сзади ехали нукеры с подарками для сватовства.

Салих не ожидал такого сюрприза. Он начал бегать, суетиться, кричать на слуг и домо-чадцев.

Когда мы уселись за стол под раскидистым деревом, там уже были фрукты и сладости. Служанка принесла лучшее вино с погреба. Сам Салих не пил крепкие напитки, так как был очень верующим человеком, но для гостей в погребе держал хорошее вино.

После вежливых приветствий и вопросов о самочувствии Улугбек приступил к главному.

- Уважаемый Салих, я как поручитель моего друга Али Кушчи, прошу Вас отдать вашу дочь Шахнозу замуж за него.

Купец боялся посмотреть в глаза Мирзо. Наконец-то он поднял взгляд.

- Уважаемый Мирзо Улугбек! Я очень люблю и уважаю вашего друга, а также сына моего покойного товарища по охоте, всеми уважаемого ученого Али Кушчи. Но, как я уже ему объяснял, мой торговый дом почти разорен, и только брак Шахнозы с сыном моего друга - купца из Бухары - спасет нас от долговой тюрьмы. Я должен огромные деньги ремесленникам за бумагу!

- Каков твой долг? – поинтересовался Улугбек.

Купец подошел поближе к Мирзо, и шепотом, чтобы никто не услышал, назвал сумму долга. Мирзо удивленно поднял брови.

- Поэтому-то обычный калым, который я бы запросил с уважаемого Али, не спасет меня! – горестно всплеснул руками Салих.

- А как же сама Шахноза? Готова она выйти замуж за нелюбимого мужчину?

- Она понимает, что спасает нашу семью. Но уже несколько дней ничего не ест, пьет только воду. Не смотрит на меня, не улыбается, – горестно вздохнул Салих.

Улугбек посмотрел на меня – я сидел бледный, с потерянным лицом.

- Ну вот что, уважаемый Салих! – Улугбек встал, вытер вспотевшее от горячего чая лицо, - я не могу покрыть твои долги, слишком они велики, да и все деньги трачу на строительство в Самарканде, вы видите сами.

Салих понимающе покивал головой.

- Но я вам предлагаю следующее. Если вы выдадите замуж вашу дочь Шахнозу за моего друга Али Кушчи, я сделаю ваш торговый дом основным поставщиком тканей и шелков моему дворцу, а также моей армии. Могу сделать заказ с предоплатой на год вперед. Как вы считаете, получится восстановить ваши финансы?

Салих выпрямился, как будто у него выросли крылья за спиной.

- Эй, кто-нибудь, принесите сюда перья с чернилами и бумагу, живей! – уже не дрожащим голосом приказал он.

Ему принесли письменные принадлежности. Купец принялся делать деловые расчеты, выпрашивая у Улугбека объемы поставок. Мирзо отлично помнил все цифры, его математическая память никогда не подводила.

Закончив считать, Салих встал с сияющим видом, похожим на натертый до блеска медный кувшин.

- Многоуважаемый Мирзо, я согласен отдать Шахнозу за вашего друга, а теперь и моего любимого сына Али Кушчи! – с пафосом произнес Салих, приложив правую руку к сердцу и поклонившись новым сватам.

Дверь купеческого дома распахнулась, и оттуда выпорхнула Шахноза, подслушивающая весь разговор все это время. Дочь обняла отца с счастливыми рыданиями, не забывая посматривать на меня влажными от слез глазами.

Я не нашел слов, чтобы отблагодарить Мирзо.

- Все, все, Али! Разве мог я допустить, чтобы один из моих самых лучших ученых думал не о науках, а страдал из-за красавицы! – отшучивался Улугбек.

Тут же был накрыт новый стол, зажарен молодой барашек, принесли свежие фрукты и сладости. Салих подливал вино гостям, а сам, счастливый, цитировал любовные стихи.

- Как сказал великий поэт Саади (21):

*# О, как счастлив глаз влюбленный, как блажен, коль этот глаз
Может видеть лик подобный всякий день и в миг любой!
Опьяненный чашей винной отрезвится поутру.
Только в Судный день очнется опьянившийся тобой. #*

(перевод Константина Липскерова)

Под громкий хохот гостей закончил он.

- А вы знаете, уважаемый Салих, про женитьбу Саади? Это очень веселая история, – обратился к купцу раскрасневшийся от еды и питья Улугбек.

- Когда Саади путешествовал по Сирии, он стал известным проповедником в Дамаске. Но светский мир его утомил, и он решил уединиться в пустыне под Иерусалимом. Тут он попал в плен к крестоносцам, которые перевезли его на сирийское побережье, в Триполи, и заставили там рыть окопы для крепости. Его за десять червонцев выкупил один знакомый богач из Алеппо, но сначала он предложил поэту на выбор – рабство, или свобода и женитьба на его дочери. Саади, конечно же согласился на свободу. Богач привёз его к себе, сыграли свадьбу, где ничего не подозревающий поэт не видел лица невесты - она была в свадебном покрывале. А потом было уже поздно - она оказалась безобразна и жутко сварлива. Спасаясь от невыносимой семейной жизни, Саади бросил все и добежал до Северной Африки! Похоже, что ее характер и внешность отрезвили его раньше Ссудного дня!

Все прекрасно знали эту историю, но не сделали вида, так как Улугбек очень любил ее пересказывать всем в лицах, и сам громче всех смеялся.

Все вокруг веселились, а только мы с Шахнозой смотрели друг на друга, не видя и не слыша никого.

Ага Бегим. часть 1

Примечание Мирима Челеби

Мой дед, мавляна Али Кушчи, рассказывал, что ко времени событий, описанных в его заметках, Мирзо Улугбек нажил себе немало врагов. По этой причине в каждом случае, где можно было больно уязвить Мирзо, а если получится, восстановить против него народ Мавераннахра, недоброжелатели тут же находили способы использовать их.

Мой дед предполагал, что гибель приближенных к Мирзо людей была не случайной, быть может даже спланированной хитрыми и коварными врагами.

В число тех, кто мог быть причастен к смерти Юсуфа и, возможно, других людей, дед выделил нескольких персонажей.

Я сначала не мог понять, почему и как эти люди могли желать зла Мирзо Улугбеку. После, из рассказов деда, других его современников, а также различных летописцев того времени у меня сложилась общая картина событий, которые так или иначе повлияли на судьбу Мирзо.

По мере повествования записок моего деда Али Кушчи я буду включать мои размышления о важных событиях и людях, которые в них участвовали.

Может, я буду не совсем прав в моих рассуждениях, и пусть читатель меня простит, если я к кому-то из участников событий буду слишком благоволить, а кого - то недолюбливать.

Сначала я расскажу о непростой семейной жизни Мирзо Улугбека, которая каким-то образом повлияла на всю его жизнь, и самое главное - на его смерть. А начну с его первой жены - Ага Бегим.

Лишь одною женой нас обрадует рок.

Муж при множестве жен не всегда ль одинок?

Низами (22)

(перевод Константина Липскерова)

Осень 807 года хиджры (1404 г)

- Бегимай, так нечестно! Она опять колдует! – босоногий, стриженный налысо мальчишка с негодованием обратился к окружающим. Толпа таких же детей – мальчишки и девочки, не обращая на него внимания, с напряжением смотрели, как Ага Бегим, которую все с легкой руки отца звали Бегимай, что-то тихо шепчет в кулак.

- Да она опять заговаривает свою битую! – не выдержал напряжения тот же мальчишка.

- Кидай уже, хватит ждать! – загомонили другие дети.

Ага Бегим, не торопясь, закончив шептать возле кулачка, прицелилась, закрыв один глаз, и метнула свою любимую битую в последний асык.

Бита выбила белую баранью косточку под восхищенные крики детишек.

Ага Бегим обвела всех победным взглядом, и не торопясь, пошла за своей удачливой битой.

- Бегимай! – девочка обернулась на крик. Издалека приближался всадник - это был один из слуг семьи.

-Бегим, тебя ищет мать, поехали, это срочно!

Такого раньше не было никогда, чтобы посылали слуг за дочкой. Встревоженная Ага Бегим села на привязанную к дереву любимую кобылку, махнула рукой удивленным друзьям, и принялась в галоп вслед за нукером.

Подъезжая к дому, она увидела необычную суету. Все вокруг бегали и суетились, нервная мать гоняла испуганных служанок.

- Где ты была? Опять с кочевниками по степям болтаешься? – набросилась на Ага Бегим мать, - сбились с ног, пока тебя нашли!

Бегимай, удивленная, молча привязала лошадь к коновязи. Родители воспитывали ее свободно, и до этого не обращали внимания, где она и что делает.

В прошлом году от болезни умер ее отец, Мухаммед-Султан (23), и матери было не до младшей дочери, слишком хлопотное хозяйство оставил муж. А, впрочем, не только ей - у отца было еще несколько жен. Ага Бегим запуталась в сводных братьях и сестрах, некоторых из них она и не видела - они были в походах вместе с отцом.

Мухаммед – Султан был сыном Джехангира и внуком Тимура, а матерью была чингизидка Севинбек, внучка самого Узбек – хана (24).

Отец Ага Бегим был воином, всю жизнь проведенным в седле, воюя по всему свету в войнах Тимура. Он привык жить среди своих воинов, в основном выходцев из тюркских племен, так же, как и они - свободно, в степи. Мухаммед Султан назначался несколько раз губернатором провинций, но жизнь в городе тяготила его, он все время старался под разными предлогами вырваться на очередную войну.

Отец не любил шумный Самарканд, и построил для своей семьи дом в пригороде, где был степной простор. Сам он часто ночевал в юрте возле дома - говорил, что ему плохо спится в домашней постели.

От отца у нее остались только воспоминания, как она еще малышкой, сидя у него на коленях, дергала его волосы, заплетенные в косы, как это было принято по старой традиции воинов Чингисхана.

Мать, приобняв, привлекла Ага Бегим к себе.

- Собирайся, дочка, тебе готовят баню. Ты выходишь замуж за Улугбека, внука Тимура, – голос матери смягчился.

- Но...я не хочу замуж, я же еще не готова, я же... я маленькая! – Бегимай начала заикаться от волнения.

- Правитель устраивает большие праздники, и хочет женить пять своих внуков. Улугбек – его любимый внук. Это большая удача для нашей семьи!

Ага Бегим давно прислушивалась к разговорам взрослых, и многое уже понимала. Хотя отец обеспечил всех своих жен, но теперь их положение было зыбко после его смерти. А старый Тимур был не вечен, и все со страхом ожидали будущего - кто будет наследником огромной наспех сколоченной империи тимуридов.

Все дальнейшие события для маленькой Бегимай были как в тумане. За несколько дней до свадьбы они с матерью поехали в Самарканд.

Амир Тимур организовал большие празднества рядом с городом, и пригласил на них родственников со всей империи, а также своих лучших нойонов с семьями. Это было потрясающее зрелище! Десятки тысяч палаток, юрт стояли по степи, раскрашенные цветными лентами из шелка и хлопка. За ними дымили походные котлы, палатки с банями, толпы слуг суетились вокруг них. Палатки и юрты были расположены не как попало - были организованы широкие улицы, вдоль которых стояли торговые лавки с мясом, напитками и сладостями. На улицах постоянно происходили какие-то действия – ходили канатоходцы, делали сложные фигуры акробаты и жонглеры. Шуты и дервиши всех мастей и народов смешили толпу.

Ага Бегим во все глаза смотрела на происходящее, забыв о том, зачем она туда едет. Она все время с восторгом тормозила свою маму, показывая на акробатов и шутов.

В один момент она обернулась на мать, чтобы обсудить наряд иностранной делегации, как вдруг заметила ее окаменевшее лицо. Бегимай посмотрела в ту сторону, куда смотрела ее мать, и от удивления и ужаса расширила глаза.

Они проезжали площадь, на которой были поставлены в ряд виселицы. На них вверх ногами висели несколько человек. Люди старались обойти эту площадь подальше, тем более что ее охраняли свирепые воины.

- Мама, кто они? За что их казнили? – Бегимай в испуге закрыла глаза.

- Это не наше дело, дочка! Они воры, и Правитель их за это наказал. Не смотри, потом будешь плохо спать.

Только много позже, через несколько лет, Улугбек рассказал, кто были эти люди, и за что их казнили.

Амир Тимур приказал на праздники всем торговцам и ремесленникам Самарканда за городом поставить торговые ряды. Каждая ремесленная и торговая тайфа располагались обособленно, создавая как бы небольшие поселки со своими ремеслами и товарами.

Каждая тайфа подготовила также увеселения со своими артистами, акробатами и канатоходцами. Веселье продолжалось несколько дней, гости ходили по торговым рядам, с удовольствием тратили деньги на горячее мясо, плов, лепешки, фрукты и сладости. Люди покупали посуду, оружие и украшения, слушая сказителей и глядя на искусных канатоходцев и танцоров.

В одну из ночей перед каждой тайфой по приказу Тимура были выстроены виселицы.

Горожане в недоумении и с ужасом ждали дальнейших событий. Правитель семь лет был в походах, и самаркандцы отвыкли от старых жестоких повадок Тимура.

Первым казнили главного визиря Амира Тимура, который управлял страной в его отсутствии - Правитель обвинил его в казнокрадстве и приказал повесить вниз головой.

Один из приближенных Тимура пытался за него заступиться, предложив четыреста тысяч серебряных динар.

Тимур согласился взять деньги, а потом приказал пытать заступника, чтобы он отдал все остальное. Когда тот уже не смог ничем заплатить, Тимур приказал его повесить.

Следующими под горячую руку попались ремесленники и торговцы, которых обвинили в завышении цен. Некоторые были казнены, у других отобрали имущество и продали в рабство. Кто был обвинителем - никто не знал. Возможно, их выбрали случайно, а может, так сводились счёты по старым обидам, или более проворные постарались выбить своих конкурентов.

Горожане были возмущены, но открыто никто больше не выступал. Всем стало ясно, что спокойное время закончилось, теперь здесь будет править страх.

«Лучше все-таки вор, чем тиран» - говорили жители Самарканда, с тоской вспоминая спокойные семь лет правления вороватого, но не жестокого визиря.

А закон – он будет на стороне Правителя и его безжалостных сабель.

Больше мама Бегимай не проронила ни слова, пока они не доехали до шатров Амира Тимура и его жен.

Основные шатры находились внутри большого сада - Баг-и- нау. Сад был окружен высокой оградой, защищавшей Правителя и его семью от чужих взглядов.

Ага Бегим с матерью подъехали к воротам на своей разукрашенной коляске, запряженной двойкой лошадей, которой правил наряженный в новую одежду по такому случаю молодой шустрый слуга.

Вход в сад был через высокую и широкую дверь. Уже по двери было видно, чей это сад - она была полностью отделана золотом, лазурью и изразцами. Вход охраняли шесть злобных караульных с дубинками и саблями.

Начальник караула, узнав жену Мухаммед Султана, его бывшего командира, тепло поприветствовал ее, и пропустил коляску внутрь сада.

А там их ждала еще одна неожиданность - шесть индийских слонов ходили по вытоптанной траве друг за другом, поворачиваясь по команде погонщиков, которые сидели в башенках, закрепленных на спинах громадных животных.

Не только Ага Бегим, но и ее мать открыли рты, и с восхищением смотрели на невиданных чудищ, от топота которых сотрясалась земля вокруг.

- Мама, смотри, они встают на задние ноги? А для чего им эти длинные штуки на голове? А зачем им такие уши? - дергая мать за руку, спрашивала девочка.

- Я не знаю, я сама их в первый раз вижу! - мать с изумлением смотрела на слонов, забыв, для чего они сюда приехали.

Наконец мама с дочерью добрались до цели своего небольшого, но насыщенного увиденным путешествия. Ага Бегим с матерью сошли с повозки возле высокой ограды, украшенной разноцветными лентами. Перед дверью стояли личные телохранители Биби Ханым - так называли главную жену Тимура - Сарай Малик Ханым (25), чингизидку, бывшую жену Хуссейна, соправителя Тимура.

Телохранители пропустили внутрь ограды мать и девочку, которые в очередной раз были изумлены новыми красотами.

За оградой стояли несколько огромных юрт, покрытых красными коврами. Юрты снаружи опоясывали белые полосы, украшенные большими золотыми бляшками с драгоценными камнями.

Ага Бегим подняла голову - в глаза бил солнечный зайчик, отраженный от позолоченной фигуры большого орла с расправленными крыльями. Внизу, перед входом в юрту, стояли серебряные соколы, которые смотрели на орла и будто бы собирались вот-вот взлететь.

Бегимай с матерью, уже уставшие от дороги и долгого ожидания, вошли в юрту, где их встретили две служанки Биби - Ханым.

Деревянные полы юрты были покрыты дорогами бухарскими коврами, на которых стояли золотые столы, а на них возвышались несколько золотых кувшинов, украшенных жемчугом и драгоценными камнями.

На топчане сидела, опершись на подушки, грузная женщина с черными пронзительными глазами. Это была сама Биби Ханым, одетая в зеленое шелковое платье с золотыми нитями. Вокруг нее возлежали на подушках несколько богато одетых женщин - это были ее сестры и подруги.

Мать учтиво поздоровалась с Правительницей, и представила ей Ага Бегим. Биби Ханым кивнула ей, и внимательно посмотрела на девочку.

- Разденьте ее! - приказала служанкам Ханым.

Дрожащую от страха Бегимай раздели, оставив в одной нижней сорочке, и подвели к повелительнице.

- Сколько ей лет? - Спросила Биби Ханым у матери, ощупывая и рассматривая девочку.

- Одиннадцать лет было месяц назад, - ответила мать заискивающим тоном.

Осмотрев Ага Бегим и не найдя физических изъянов, Биби Ханым приказала ей отойти на два шага назад. Бегимай подчинилась приказу, и отошла на пару шагов. В этот момент Биби Ханым взяла большую подушку и с размаху кинула в девочку.

Ага Бегим рухнула вместе с подушкой на ковры, больно ударившись спиной.

- Не годится еще в постель к мужу, - усмехнулась Ханша.

Ага Бегим вскочила с пола, отбросила ногой подушку в сторону, и со злостью погрозила кулачком старухе.

Ее мать в ужасе всплеснула руками, предвидя гнев Биби Ханым.

- А она с характером! - захохотала Правительница, показывая на нее пальцем смеющимся подругам и служанкам.

- Пока не войдет в тело, будет жить на моей половине. Улугбеку не помешает боевая жена! – заключила она и кивком приказала выйти Бегимай с матерью.

За месяц до свадьбы Улугбек с двумя другими внуками Амира Тимура присутствовал на приеме послов.

Прием был в саду одного из загородных домов Повелителя. Амир Тимур не любил дворцов, он приказывал разбивать сады в пригороде Самарканда, где стояли роскошные, украшенные позолотой и серебром большие дома.

Амир Тимур сидел на небольшом помосте, обложенный вышитыми подушками. На голове у него был белый шелковый колпак, покрытый драгоценными камнями и жемчугом, с большим красным рубином по центру.

Сегодня наконец-то после долгого ожидания приняли послов из самой Испании. Тимур махнул рукой, приглашая их подойти поближе. Посланники короля, согласно церемониям, принятым при испанском дворе, приблизились, несколько раз останавливаясь и преклоняя колено.

Им приказали подойти еще ближе, так как Амир Тимур плохо видел, и встать перед ним на колени.

Правитель был доволен – как же, из далекой Испании прибыли посланники с подарками, подчеркивая свое уважение перед грозным завоевателем.

Затем их посадили по правую руку Тимура. Выше них сидел только посол Китая. Тимур нахмурился, увидев это, и приказал пересадить посла Китая ниже посланников Испании. Скорее всего этот маневр был им заранее задуман, чтобы еще больше унижить посла Китая, который уже был не рад, что оказался здесь.

Несколько десятилетий назад была свергнута династия чингизидов Юань (27). Вместо нее сейчас Китаем правили ханьцы, но при этом новые правители считали себя правопреемниками династии Юань. На этом основании они требовали дань от стран, которые были в вассальном подчинении бывших правителей Китая.

И Тимур – Гураган, зять чингизидов чагатайского улуса, исправно платил им долгие годы. Ему не нужны были враги на Востоке, пока он разбирался с врагами на Западе.

Но теперь он силен, как никогда, и уже семь лет ни один динар не был выплачен Китаю. Сцена с унижением китайского посла на этом не закончилась.

- Я решил оплатить дань вашему выскочке императору! – Амир Тимур внезапно обратился к китайскому послу.

- Но она слишком большая, очень много золота, я не доверяю ее караванщикам! - покачал головой и зацокал языком Повелитель, - я сам ее привезу, со своим войском!

Посол был бледен. Он понимал, что это объявление войны, и что его жизнь висит на волоске.

Тем временем Ага Бегим готовили к свадьбе.

На свадебные мероприятия ее одели как куклу - красный узкий халат, а на голову напялили боктаг – конструкцию в виде сапожка, на вершине которых торчали, покачиваясь, перья филина.

- Ты чингизидка, твой боктаг должен быть выше, чем у других невест! –с этими словами мать надела на нее этот головной убор, который постоянно пытался свалиться с головы. Бегимай приходилось все время напрягать свою тощую девичью шею, которая потом так затекла, что она неделю не могла повернуть голову. Сверху богтага нацепили шелковую накидку, чтобы никто раньше времени не увидел лицо невесты.

После подготовки их отвели к месту свадьбы - в большой сад, заставленный разукрашенными шатрами - и приказали ждать в одном из шатров.

Постепенно собрались приглашенные гости - знатные люди Мавераннахра, послы, эмиры. Все эти праздники продолжались больше месяца, поэтому никто не разъезжался по своим владениям и городам, пока не разрешит Повелитель.

Сопровождаемый охраной и приближенными людьми, прибыл и сам Тимур Гураган. Его принесли в паланкине - больные старые ноги не позволяли ему уже свободно ходить самому.

Теперь все ждали саму Биби Ханым. Бегимай с досадой сняла богтаг с накидкой, мешающей ей смотреть на происходящее, и отодвинула полог шатра, с интересом оглядывая происходящее событие. Она даже забыла, что все это празднество посвящено бракосочетанию ее и других невест с внуками Тимура.

Наконец появилась сама Биби Ханым, и это было самое потрясающее зрелище, что видела когда-либо Бегимай, да и не только она, но и многие гости. Даже испанские послы, искушенные в придворных изысках европейских дворов, были потрясены увиденным.

Жена Повелителя, чингизидка Биби Ханым, была в красном шелковом платье с длинным подолом, который несли пятнадцать женщин - настолько он был длинным!

На голове у Биби Ханым был высокий богтаг, украшенный крупными жемчугами и драгоценными камнями, оправленными в золото.

Богтаг был опоясан золотым венком, и сверху донизу усыпан драгоценными камнями и жемчугом. Верх венка венчали три огромных рубина.

Тяжелый и дорогой головной убор поддерживали три знатные женщины.

Биби Ханум медленно и торжественно ступала по коврам, а впереди шли одетые в дорогие халаты евнухи гарема.

Главная жена Правителя села на возвышение рядом с Тимуром.

Свадебное торжество началось с хутбы почтенного шейха Шемсадина Мухамеда ибн аль Джазири, взятого в плен в Бурсе во время войны с османским султаном Баязидом (28). Он говорил долго и нудно, и Ага Бегим при этом почти ничего не поняла, так как часть речи была по - арабски, часть по тюркски с сильным анатолийским акцентом.

После окончания речи, которой с нетерпением ждали все приглашенные, на середину перед Амиром Тимуром были вызваны пять его внуков, и к ним подведены пять их невест.

Тут-то впервые Ага Бегим увидела своего жениха - десятилетнего Улугбека.

Это был высокий худенький мальчик, с умными и веселыми глазами. Он держался несколько высокомерно, что было естественным для любимого внука Правителя.

Главный кази Самарканда - Салахадин - спросил всех пятерых пар, согласны ли они вступить в брак, и, получив нестройные, но положительные ответы, объявил о случившемся бракосочетании.

На этом официальная церемония была закончена, и все присутствующие приступили к пиршеству.

Гостей рассадили согласно их положению на расстеленных коврах, и слуги начали разносить огромные куски мяса на больших выделанных кусках кожи с ручками.

Вместе с винами и кумысом подали фрукты всевозможных видов и сладости.

Биби Ханым пила вино сама, и заставляла гостей пить до дна, а после рассказывать курьезные случаи из их жизни, при этом смеясь громче всех.

Молодожены сидели за одним столом, украдкой поглядывая друг на друга. Все они выросли при дворе, и прекрасно знали, что это были политические браки, устроенные Амиром Тимуром, и в будущем у мужчин будет не одна жена и наложница.

Пиршество длилось до поздна, пока гости не стали падать от усталости и пьянства на ковры, после чего слуги брали их под мышки и разносили по паланкинам, унося хозяев в свои покои.

Бегимай сидела с трудом от усталости и тяжести богтага, боясь упасть и опозорить семью. Наконец евнух приказал ей идти за ним, отведя в женскую половину Биби Ханым.

С этого дня начался ее странный брак, в котором она долгое время не видела своего мужа Улугбека.

- Напиши свое имя! И хватит смотреть в окно!

Старик писарь, которого приставили к Ага Бегим обучать ее арабскому письму и чтению, вышел из себя.

Казалось, весь Самарканд опустел. Весь двор Тимура с женами, наложницами и поварами отправился на восток, на войну с Китаем.

Стоял февраль, на улице дули необычно холодные для этой местности ветра. Печка в комнате девочки еле согревала маленький закуток, куда прижалась Бегим, укутавшись в овечью шубку, пытаясь разобраться в арабской грамматике.

Биби Ханым строго наказала писарю, чтобы к ее возвращению Бегимай уже могла читать и писать по - арабски.

Но зимняя тоска и одиночество никак не могли помочь маленькой принцессе освоить этот сложный для нее язык.

Этот день Самарканд, да и весь Мавераннахр запомнит надолго - прибыл черный гонец.

Правитель огромной части мира, десятки лет железной рукой собиравший империю, умер в далеком заснеженном Отраре.

В городе началась паника. Торговцы прятали зерно, цены на него взлетели в два раза. Предчувствие чего-то страшного, чего уже давно не ощущали жители Мавераннахра, долгие десятилетия находившиеся вдалеке от кровопролитий, витало в воздухе.

Все войны шли в далеких странах. Сюда привозились только трофеи – серебряная и золотая утварь, доспехи, ткани. Все это было уже по дороге тщательно отмыто от крови хозяев. Кроме того, пригонялись тысячами разноязыкие и разноликие мастера – зодчие, оружейники, ювелиры, и даже ученые.

Где-то далеко разрушались города, осиротевшие дети плакали на пепелищах возле тел своих родных, пока их не забирали рабовладельцы. Торговые пути под давлением войн переносились в безопасные маршруты по империи Тимура. Но теперь все рухнуло, начиналась эпоха междоусобных войн наследников империи.

«Лучше тиран, чем война внутри страны!» - теперь уже по другому вздыхали жители города.

Из Отрара в Самарканд тело Повелителя отправили в сопровождении шейха Ходжа Юсуфа. В отдельной повозке везли гроб из черного дерева, в котором лежалый залитый медом Амир Тимур.

Человек, который за половину века потряс половину Земли, был мертв, не забрав с собой на тот свет ни одной золотой монеты, а его государство уже раздирала война за наследство.

Смерть Тимура была неожиданной для всех его близких и соратников. В Отраре стоял переполох, военные эмиры поначалу хотели скрыть кончину Правителя, и дальше продолжать военный поход.

Этим воспользовался один из многочисленных внуков Тимура, двадцатилетний Халиль Султан (29). Со своим преданным ему войском он первее всех остальных законных претендентов захватил Самарканд, а значит и самое важное для управления страной - казну Амира Тимура.

Халиль Султан сверг с номинального престола чингизида - Махмуд хана (30), и поставил на ханский трон 9-летнего Мухаммад Джахангира - сводного младшего брата Ага Бегим. Их общий отец - Мухаммад Султан, был официальным наследником Амира Тимура, поэтому нужен был легитимный наследник трона, кем и был выбран маленький мальчик.

Так и ходили они - братишка с сестрой - по дворцу, под неусыпным контролем нукеров Халиль Султана, невольно ставшие заложниками сложной политики наследников Тимура.

Военные эмиры отправили гарем Повелителя - всех его жен и внуков, служанок, евнухов - в Самарканд, избавившись от ненужного им груза. Процессия ехала долго, жены и наложницы стонали и плакали вполне искренно - дальнейшая судьба их была туманна.

Биби Ханым сидела, закутавшись в шубы, в крытой повозке. Она прекрасно понимала, что ее век Правительницы закончился. К ней вернулись воспоминания и чувства тех времен, когда был свергнут ее первый муж Амир Хуссейн (31), и будущее было зыбко и неопределенно. Все вельможные женщины теперь старались держаться от нее подальше, обдумывая, к какому крылу наследников стоило бы примкнуть.

Войско, возглавляемое военными эмирами - Шах - Меликом и Шейх Нураддином, забрав с собой двоих сыновей Шахруха - Улугбека и Ибрагим - Султана, отправилось в Бухару. Самарканд был теперь недоступен для соперников Халиль Султана.

Улугбек, тепло простившись со своей воспитательницей Биби - Ханым, практически ставшей ему матерью, не подозревал, что больше никогда не увидит ее.

Ага - Бегим выглянула на шум в окно своей спальни. Во двор въехала внушительная процессия жен, детей и слуг. Она пробежала глазами в поисках Биби Ханым - обычно вокруг нее толпились знатные женщины. Из повозки с трудом слезла женщина, поддерживаемая одной старой служанкой. От дороги и переживаний Биби Ханым сильно исхудала, и казалось, что это древняя старуха, а не та белолицая, смеющаяся жена Повелителя половины мира, которой ее запомнила Бегимай.

В Самарканде, после пышных похорон Тимура, которые устроил новый правитель - Халиль Султан, началась новая жизнь, где всем заправляла его любимая жена Шад Малик - девушка из простой семьи, игрою судьбы ставшей правительницей Маввенахра.

Прибрав к рукам казну, Халиль Султан и Шад Малик решили избавиться от многочисленного гарема, выдав замуж всех молодых жен и наложниц Тимура за своих военных эмиров.

Во дворце остались только Биби Ханым и Тукель Ханым - вторая по положению жена, а теперь вдова Тимура. С ними и жила теперь Ага Бегим, про которую все забыли, но при этом она оставалась законной женой Улугбека.

Шад Малик назначила вдовам совсем небольшое содержание, которого хватало только на еду и на оплату нескольких служанок. Все их драгоценности прибрала к рукам новая правительница.

А ведь именно Биби Ханым спасла Шад Малик от гнева Тимура. Когда Халиль Султан влюбился в красавицу Шад Малик - дочь ремесленника, и захотел на ней жениться, Тимур в гневе приказал казнить ее. И только мудрая Биби Ханым смогла повлиять на Повелителя, сказав ему, что невеста беременна. "Неужели ты убьешь собственную кровь?" - озадачила она Правителя. И ему пришлось смириться с неравным браком любимого внука.

Тукель Ханым громко возмущалась, жаловалась Халиль Султану, что ее должны содержать как королеву. Но Биби Ханым безропотно приняла новое положение дел.

Причину ее безучастности Ага Бегим узнала случайно, когда ночью ее разбудили странные звуки, доносящиеся из комнаты Биби Ханым. Девочка на цыпочках подошла к двери, и аккуратно ее отворив, сунула туда свой любопытный носик.

Резко постаревшая вдова Повелителя стояла на коленях перед бронзовым тазом - ее тошнило кровью.

Бегим в испуге отшатнулась от увиденного и нечаянно скрипнула дверь. Биби Ханым резко подняла голову и спросила властно:

- Кто здесь? Ну - ка зайди в комнату!

- Это я, Ага Бегим. - дрожащим голосом ответила девочка, и нерешительно вошла в покои бывшей Правительницы.

- А, это ты, жена Улугбека! - невесело усмехнулась старая женщина. - Иди лучше спать!

- Биби Ханым, что с вами? Вам помочь? - Бегимай смотрела на изможденное пожелтевшее лицо, и ей не верилось, что всего полгода назад эта женщина имела неограниченное влияние на миллионы людей в странах, подчиненных Тимуру. Бегимай вспоминала ее энергичность и жизнелюбие, ее любовь к праздникам и нарядам.

- Я умираю, дочка, пришло мое время. - бывшая Правительница, тяжело вздохнув, села на тахту.

- Биби Ханым, надо позвать лекаря, или шамана. Может быть, они найдут какие нибудь травы, или покамлают.

Ага Бегим испугалась, что, если Биби Ханум умрет, она останется одна в этом дворце с чужими людьми. И хотя Халиль Султан приходился ей дядей, правила тут его любимая коварная жена.

- Доченька, все лекари боятся ко мне прийти сейчас. Ты же видишь, выставили охрану, боятся двух женщин и девчонку!

Биби Ханум задумалась на некоторое время.

- Тебе надо вернуться к Улугбеку и его семье, только они смогут защитить тебя. А сейчас отправляйся спать.

На следующий день, ближе к полудню, одевшись как взрослая женщина из чингизидок, напивив на себя ненавистный богтаг, Ага Бегим заявила в покои новых правителей.

Охранники не хотели поначалу ее пускать, пока она не заявила, что хочет поговорить со своим дядей о семейных делах.

Халиль Султан вместе с супругой сидели в окружении новых подхалимов, которые всегда появляются как бы ниоткуда при новой власти. Все пили вино, на столе в золотых чашах лежали фрукты и сладости.

Ага Бегим вошла гордой походкой, и остановилась перед Халиль Султаном, сделав ему обязательный поклон, придерживая рукой богтаг.

- Что тебе нужно, племянница? Платья закончились? - улыбнулся молодой правитель.

- Мирзо Халиль Султан, я прошу вас прислать мне в покои лучшего лекаря.

- А что случилось? Ты вроде не выглядишь больной?

- Яневажно себя чувствую, у меня болит живот! - выпалила на одном дыхании Ага Бегим, стараясь не встречаться глазами с Шад Малик, которая с подозрением посматривала на девочку.

- Эй, может она беременна? Ай да Улугбек, шустрый Мирзо! - кто-то из подхалимов пошутил, вызвав гогот среди окружающих.

- Ну все, хватит, это все-таки моя племянница! Я пошлю за лекарем, - Халиль Султан кивнул Ага Бегим, и жестом попросил ее удалиться.

В тот же день к ним пустили старого придворного лекаря, известного травника и костоправа. Никто не знал его настоящего имени, все его называли просто Старик.

- Что с тобой случилось, красавица? - лекарь улыбнулся Ага Бегим, когда дверь за ним закрылась.

Девочка сразу же прониклась к нему доверием, взяла его за руку, и повела в покои Биби Ханым.

Старик удивленно посмотрел на женщину, потом преклонил колено, прижав руку к сердцу, поприветствовав, как подобает, знатную чингизидку.

- Старик, я знаю, что тебя могут наказать за помощь мне. Но эта девчонка разве отстанет от меня! - Биби Ханым ласково посмотрела на Бегимай.

Старик, все сразу поняв, попросил Бегим выйти, чтобы осмотреть старую женщину.

Через некоторое время он вышел.

- Биби Ханум я ничем не могу помочь, у нее опухоль в животе, она умирает. Я могу дать настойку мака, который уменьшит боль. Много не давай, иначе она заснет навечно. Справишься? - Старик внимательно посмотрел на Ага Бегим. Та кивнула в ответ.

Проводив лекаря, девочка зашла в комнату к Биби Ханум. Она, приняв настойку, заснула наконец без сильных болей.

Биби Ханум прожила еще месяц. Ага Бегим ухаживала за ней, помогала служанке мыть ее старческое тело, кормила из ложки - руки уже не держали. Но боли становились все нестерпимее, и в один из дней Правительница попросила большую дозу настойки.

- Нет, нельзя! Старик сказал, что вы заснете навсегда, и я останусь одна! - заплакала девочка.

- Доченька, сил моих больше нет. А ты, Бегимай, требуй, чтобы тебя отослали к Улугбеку. Ты родилась в семье Тимура, тебе придется научиться играть в эти игры. Береги Улугбека, он не воин, он ученый, поэт, музыкант. Ему тяжело придется в этом змеином клубке.

Биби Ханум взяла со столика пожелтевший лист бумаги.

- У меня был придворный евнух, умный, красивый. Он всю жизнь тяготился своим положением, той судьбой, который ему определил Всевышний. Он тяжело заболел еще молодым, и перед смертью написал вот эту газель, я сохранила ее.

Всевышний кости разбросал.

Найдешь ты чёт -

*Получишь все, о чем мечтал -
богатство, славу и почет.*

Но вот ты наступил на нечет -

*Бросай грустить -
конец придет и все излечит.*

- Вот и пришел мой конец, я наступила на нечет. А тебе еще придется сыграть в кости со своей судьбой. Я счастлива, что под конец жизни окружена твоей заботой. Благословляю тебя!

Ага Бегим, глотая слезы, развела большую дозу мака, и подала пиалу своей покровительнице.

Биби Ханум, с трудом глотая напиток, выпила все до дна, легла на тахту, держа за руку Ага Бегим. Она вспоминала свою непростую жизнь, стараясь найти в памяти только лучшие моменты. Наконец она заснула, ее дыхание стало ровным, а через некоторое время полностью стихло.

Жена Правителя половины мира пережила его всего на несколько месяцев.

Весна 808 года хиджры (1406 г)

Улугбек на своем скакуне взобрался на вершину холма, оставив внизу двух телохранителей. Молодой Мирзо ждал свою жену, Ага Бегим, которую обещал отпустить правитель Самарканда Халиль Султан.

Вот уже два года они с эмиром Шейх Маликом пытались отвоевать Мавераннахр, но все было безуспешно. Халиль Султан все время переигрывал в боях, опираясь на богатую казну Тимура и свой полководческий талант, доставшийся ему от знаменитого деда.

Наконец вдалеке появилась небольшая процессия - несколько человек на лошадях и повозка с вещами Ага Бегим. Улугбек прищипорил коня, и бросился вперед, увлекая за собой встревоженных телохранителей.

От процессии отделился человек на белом коне, и поскакал галопом навстречу.

Всадники встретились - на белой лошади была сама Ага Бегим.

Супруги в замешательстве смотрели друг на друга - прошло два года, полных тревог и ожиданий для обоих.

Улугбек вырос и возмужал - хотя ему должно было исполниться весной двенадцать лет, выглядел он намного старше. Жизнь в седле, полная битв, погонь и бегств от врагов, заставила его повзрослеть раньше времени. Он стал стройным юношей с обветренным лицом и проби- вающимися усиками над резко очерченными губами.

Ага Бегим, которой было уже почти тринадцать, превратилась в настоящую девушку.

Она была невысокого роста, стройная, с гордой осанкой. Черные волосы заплетены в две толстые косы, как у кипчакских девушек, а яркие карие с зеленым отливом глаза светились умом и бесстрашием.

Ага Бегим была одета как кочевник - в штанах и сапогах – так удобнее девушке скакать на лошади. Сверху - легкий овчинный полушубок изящной выделки. На голове у нее была шапочка, обитая беличьим мехом, и украшенная пером филина.

Ага Бегим первой склонила голову в поклоне:

- Приветствую вас, мой супруг, здоровы ли вы?

- И я приветствую вас, моя супруга. Хорошо ли добрались из Самарканда? Надеюсь, ваш дядя не обижал вас в мое отсутствие?

Обменявшись дежурными приветствиями, они поехали вместе шагом в стан Улугбека, постепенно привыкая друг другу, рассказывая каждый свою историю жизни. Им предстояло узнать друг друга заново.

Когда до лагеря осталось недалеко, Ага Бегим, озорно улыбнувшись, с вызовом кивнула Улугбеку, и пришпорила своего белого коня.

- Мой Мирзо, посмотрим, кто быстрее?

Улугбек удивленно покачал головой, улыбнулся мысли, что у него появился новый хоро- ший друг, и бросился в погоню за своей молодой супругой.

Хотя Ага Бегим разделила походную жизнь Улугбека, ожидая его после битв, или, бросая все, ночью уходила вместе от погонь, она была наконец счастлива - в своей семье, под защитой своего молодого супруга. А такой жизнью ее, которая с пяти лет не слезила с коня, носясь с друзьями - детьми воинов - по степям, стреляя из лука на ходу, не напугать. И это лучшая жизнь, которую она могла себе представить!

Воспоминания Али Кушчи о детстве

Примечания Мерима Челеби

Поскольку повествование о семье Мирзо затянулось, я решил разбить его на две части. А между ними, чтобы мой читатель не заскучал, я расскажу еще одну историю, имевшую отношение к моему повествованию.

Я спросил своего деда, почему именно ему поручил Мирзо Улугбек расследование гибели Юсуфа. Это было действительно необычное поручение - ученый - математик и астроном - расследует страшное убийство. Этого не было в его записях, но дед рассказал мне историю из своего детства, которая мне показалась очень интересной, и я решил ее привести здесь от его лица.

Когда Мирзо попросил меня найти убийцу Юсуфа, я, конечно же, сразу понял, почему выбор пал на меня.

Мой отец - Муххамад аль - Кушчи - был потомственным сокольничим при дворце Тимура. Соколы и беркуты, выращенные и обученные им, ценились очень дорого среди самаркандской знати.

Мне было пять лет, когда отец начал брать меня на охоту. Я гордо садился на вторую невысокую лошадь, которую он вел рядом с собой.

- Вот смотри, сынок, это чьи следы? - отец спешил встать возле еле приметных следов, затем, осторожно снимая меня с седла лошади, показывал отпечатки хищников на влажной земле.

Я сосредоточенно водил пальчиками по вмятинам следов:

- Это следы волка, папа!

- А почему не собачьи? - одобрительно улыбался мне отец.

- Волк идет след в след, а собака не может бегать так четко, отвлекается на запахи.

- Правильно, молодец! - поднимая на руки, прижимал меня к себе отец, ласково покусывая за короткие остриженные волосы. А я с наслаждением вдыхал его запах - невообразимую смесь, из которых самым сильным был запах лошадиного пота.

К десяти годам я был уже отличным следопытом. Я мог определить все виды следов животных, сколько их было, с какой скоростью они передвигались. Отец научил меня приручать соколов и беркутов, натаскивать охотничьих собак. Я был счастлив, и не представлял другой для себя судьбы. И это было в порядке вещей - дети воинов становились воинами, дети купцов мечтали об удачных сделках, а дети дехкан с пяти лет маленькими мотыжками выпалывали сорняки на полях.

Я собирался стать, как и мой отец, сокольничим, но то, что произошло дальше, изменило все в моей жизни.

К этому времени Мирзо Улугбек уже стал правителем Мавераннахра. Он с удовольствием окупался во все придворные развлечения - вечеринки и застолья с поэтами и танцовщицами, а также охоту с птицами.

Однажды, после особо удачной охоты, один из эмиров заплатил моему отцу хорошую сумму за его лучшего сокола.

Отец, довольный выгодной сделкой, задержался на пирушке с друзьями допоздна.

Все домашние легли спать, только я не мог уснуть, ожидая отца.

Тогда я еще не знал, что эта ночь разделит мою жизнь на две половины.

Глаза уже слипались, когда я услышал шум рядом с домом - неистово залаяла наша старая собака на привязи. Предчувствуя что-то неладное, я накинул на себя халат, одел сапоги - стояла поздняя осень, шли дожди - и выбежал из дома. Наступал предрассветный час, ночь постепенно растворялась в первых лучах солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.